

16+

Керстин Гир

Зильбер

Второй Дневник Сновидений

Щега с реальностью

РОБИНС

Зильбер

Керстин Гир

**Зильбер. Второй
дневник сновидений**

«Робинс»

2014

УДК 821.113-34-93

ББК 84(4 Гем)

Гир К.

Зильбер. Второй дневник сновидений / К. Гир — «Робинс»,
2014 — (Зильбер)

ISBN 978-5-4366-0307-0

Я действительно надеялась, что всё позади и теперь, как все нормальные люди, ночью я буду просто спать. Но что, если игра действительно только начинается? Ведь мои сновидения всё чаще превращаются в кошмары, выбраться из которых всё сложнее, а коридор сновидений с каждым разом становится более зловещим... Вся моя жизнь и днём, и ночью – сплошные тайны и секреты. Ко всем необъяснимым фактам добавляется ещё один – моя маленькая сестрёнка Мия начинает бродить во сне. И я чувствую, что это как-то связано с моей тайной... Кто поможет мне защитить её? Кому я могу доверять, если самые близкие люди предают меня? У Генри свои секреты, что он скрывает? Как избавиться от ужасной новой бабушки, от вездесущей Леди Тайны и от странного безумца в шляпе, преследующего меня во сне? Мне предстоит выбрать союзников. Не знаю, как вы, но я к этому уже готова... Единственное, чего я боюсь больше всего, что однажды я просто не смогу проснуться... Продолжение первой книги «Зильбер. Первый дневник сновидений». На страницах этой книги вы снова встретитесь с главной героиней Лией Зильбер, узнаете о её необычных путешествиях во сне и о многих других захватывающих и загадочных приключениях.

УДК 821.113-34-93

ББК 84(4 Гем)

ISBN 978-5-4366-0307-0

© Гир К., 2014

© Робинс, 2014

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	35
Глава восьмая	39
Глава девятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Керстин Гир
Зильбер
Второй дневник сновидений

Перевод с немецкого Светланы Вольштейн

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

Original published as: Silber. Das zweite Buch der Träume»

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2014

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2016

* * *

Глава первая

Найти Чарльза мне не составило большого труда – на его двери висела фотография: он в полный рост в белоснежном халате и улыбается во весь рот. На нагрудном кармане надпись: «Врач-стоматолог Чарльз Спенсер», а ниже: «Лучший, кого вы можете найти для ваших зубов».

Но вот на что я совершенно не рассчитывала, так это на то, что фото запоёт, как только я нажму на кнопку звонка.

«Ко мне смело обращайтесь!» – завопил сладенький тенор на мотив «Спят усталые игрушки».

Я испуганно осмотрелась в коридоре. С ума сойти! Может, стоило сделать звук тише? Мне и без того постоянно кажется, будто за мной наблюдают, а ведь кроме меня и бумажного Чарльза, куда ни посмотри, только двери. Моя дверь находилась как раз за углом, и, честно говоря, больше всего на свете мне хотелось убежать и прекратить то, чем я сейчас занималась. Меня мучили угрызения совести, это было даже хуже, чем читать чей-то личный дневник.

Вдобавок ко всему, ради этой попытки мне даже пришлось пойти на кражу. Хотя, конечно, можно поспорить, действительно ли всё было так аморально, как звучит. С юридической точки зрения, это, несомненно, воровство, но такие меховые шапки-ушанки (какую я и стащила у Чарльза) идут лишь немногим. Большинство людей выглядят в них как глупые овечки, и Чарльз не был исключением. Так что можно сказать, я ему сделала одолжение. Надеюсь только, что никто не зашёл в мою комнату и не увидел, как я лежу в кровати в этой дурацкой шапке. Потому что на самом деле всё так и было: в данный момент я спала. С украденной ушанкой на голове. Но я не грезила о чём-то милым и приятном – я кое за кем следила. За тем, кто собирался разбить сердце Лотти (по профессии она лучшая в мире цирюльница, пирожница, собачница, а также утешительница девичьих душ). А так как никто во вселенной не имел сердца более ранимого, чем Лотти (которая на самом деле была нашей няней), этого просто нельзя было допустить. В общем, цель оправдывала средства, правда? Я вздохнула. Почему вообще всё всегда должно быть так запутанно?

– Я делаю это не для себя – я делаю это ради Лотти, – произнесла я вполголоса, опасаясь, что у меня есть какой-то невидимый слушатель, затем сделала глубокий вдох и нажала на кнопку звонка.

«А ну, не халтурить! – Бумажный Чарльз поднял указательный палец и снова начал петь: – Ко мне смело обращайтесь, всем на зависть...»

– М-м-м... «Улыбайтесь»? – растерянно продолжила я.

Верно! Хотя в песне это звучит красивей.

Пока дверь открывалась, лучезарный Чарльз продолжал голосить:

«Вы лечите зуб у нас – станет крепче, чем алмаз!»

– Нет, я правда не понимаю, что Лотти в тебе нашла, – пробормотала я, переступая порог и оглядываясь последний раз на коридор.

По-прежнему пусто.

К счастью, за дверью меня ждал не стоматологический кабинет, а залитая солнцем площадка для гольфа. И Чарльз, на этот раз объёмный, в клетчатых брюках, замахивался клюшкой. Обрадованная тем, что я попала не в какой-нибудь непристойный сон (согласно исследованиям, более тридцати пяти процентов всех человеческих снов сосредоточено на сексе), я быстренько подобрала себе одежду, подходящую обстановке, – футболку поло, льняные брюки, туфли для гольфа и (не могла устоять) стильную бейсболку. Стараясь держаться как можно естественнее, я подошла ближе к площадке. Дверь в коридор мягко закрылась за мной и теперь просто стояла посреди газона как причудливое произведение искусства.

После того как мячик Чарльза приземлился и, сделав изящный поворот, угодил прямо в лунку, его партнёр, мужчина с удивительно красивыми для своего возраста зубами, тихонько выругался.

– Ну что тут скажешь? – Чарльз посмотрел на него с торжествующей улыбкой. Затем он обернулся в мою сторону и просиял: – О, малышка Лив, привет! Ты это видела? Попал с одного удара! И тем самым разгромил его в этой партии.

– Угу. Круто! – подбодрила я его.

– Да, правда! – усмехнулся Чарльз и положил руку мне на плечо. – Позволь представить: этот парень с сердитым взглядом – мой университетский друг Энтони. Но не волнуйся, у него всё в порядке, он просто не привык мне проигрывать.

– Точно нет. – Энтони пожал мне руку. – Я тот самый друг, который во всём и всегда лучше: мои оценки были выше, автомобили – шикарней, клиника – успешней, а девушка – симпатичней. – Он засмеялся. – И в отличие от Чарли, у меня пока что все волосы на голове.

Ах вот какой это сон... Теперь стало ещё обиднее, что я его потревожила.

Энтони провёл пятернёй по своим густым волосам, и лицо Чарльза потеряло ликующее выражение.

– Должны же существовать женщины, которые считают мужчин с лысиной вполне привлекательными, – промямлил он.

– О да! – живо согласилась я. – Лотти, например.

И моя мама. Она была окончательно и бесповоротно влюблена в Эрнеста, лысого брата Чарльза. Но, наверно, не из-за лысины, а вопреки.

– А кто такая Лотти? – поинтересовался Энтони, и мне было, как минимум, так же любопытно узнать ответ, как и ему.

Сейчас я узнаю, насколько серьёзно Чарльз к ней относился. По крайней мере, он снова улыбнулся, когда произносил её имя.

– Лотти будет... Что это?

Неожиданно раздавшийся над площадкой пронзительный звук прервал его. Как назло, именно сейчас!

– Для будильника ещё в любом случае рано, – обеспокоенно пробормотала я и, как только Энтони добавил: «Мне кажется, это пожарная сигнализация», в лёгкой панике повернулась к двери.

Если Чарльз сейчас проснётся, весь сон разрушится, а я пропаду в никуда, – крайне неприятное приключение, и я не была готова совершить его ещё раз. Пока звон нарастал всё громче, а небо рассекали трещины, я понеслась к двери и ухватила за ручку как раз в тот момент, когда почва под моими ногами начала проваливаться. Одним гигантским шагом я преодолела порог в коридор и захлопнула за собой дверь.

Спасена! Но моя миссия была определённо провалена.

О чувствах Чарли к Лотти я не узнала ровным счётом ничего. Даже несмотря на то что он улыбнулся при упоминании её имени.

Бумажный Чарльз снова принялся за зубную песню.

– Ой, замолчи! – фыркнула я, и он обиженно притих.

И тут посреди неожиданно наступившей тишины я услышала таинственный шорох, совсем близко, в паре метров от себя. Хотя никого не было видно и здравый смысл подсказывал мне, что это сон, я не могла остановить нахлынувший страх, такой же непонятный, как и тот шуршащий звук. Точно не зная, что я делаю и от кого убегаю, я снова помчалась по коридору.

Глава вторая

Я дышала так громко, что ничего не слышала, но была уверена, что тот шорох гнался за мной по пятам. И он приближался. Я шустро проскользнула в соседний проход, где была моя дверь. Вообще-то «шорох» не совсем точное слово, оно больше ассоциируется с какой-нибудь безобидной мышкой, а этот звук был каким угодно, но только не безобидным. Это был самый зловещий звук, который я когда-либо слышала (а сегодня это случилось уже несколько раз), будто за задвинутыми шторами стоял убийца со впалыми щеками и безумным взглядом, а в руках у него окровав...

Я внезапно остановилась. Рядом с моей дверью меня действительно уже кто-то поджидал. К счастью, не маньяк с окровавленной бензопилой, а кое-кто более привлекательный.

Генри. Мой парень, с которым мы встречаемся уже восемь с половиной недель. Не только во сне, но и в реальной жизни. (Хотя мне, конечно, казалось, что в наших снах мы проводим намного больше времени вместе, чем наяву.) Он стоял скрестив руки на груди, прислонившись спиной к стене и улыбался – той самой улыбкой моего Генри, которая предназначалась только мне и каждый раз делала меня самой счастливой девушкой в мире. В обычной жизни я ответила бы ему улыбкой (надеюсь, такой же особенной) и бросилась бы в его объятия, но сейчас было не время для этого.

– Ночная тренировка? – поинтересовался он, как только я остановилась перед ним и принялась долбить кулаком в дверь, вместо того чтобы поцеловать его. – Или ты от чего-то убегаешь?

– Расскажу, когда войдём! – выпалила я, задыхаясь и не переставая колотить в дверь.

Створка почтового ящика открылась, и кто-то высунул наружу (невыносимо медленно) сначала бумажку, а за ней карандаш.

– Пожалуйста, напишите сегодняшний пароль, правильно сложите записку и протяните обратно, – промурлыкал из-за двери мистер Ву слащавым голосом.

Я тихонько выругалась. Хотя моя система безопасности и была прекрасно настроена против незваных гостей, она не очень выручала, когда нужно было самой быстро спастись.

– Лив, во сне есть куда более эффективные приёмы, чем убежать. – Генри хорошенько осмотрелся в коридоре и подошёл ко мне. – Ты можешь просто улететь или превратиться во что-нибудь недостижимое. Например, в гепарда. Или в космическую ракету...

– Не у всех это так хорошо получается, как у тебя, а уж тем более превратиться в какую-то бредовую ракету! – вспыхнула я.

Карандаш у меня в руке немного дрожал, но в присутствии Генри мой страх заметно уменьшился. Ничего больше не было слышно. Но я всё равно была уверена, что мы не одни. Мне кажется или немного стемнело? И похолодало?

– Ты же недавно была такой милой маленькой киской, – сказал Генри, ничего, казалось, не замечая.

Да, была. Но, во-первых, в тот раз я хотела стать совсем не милой маленькой киской, а большим хищным ягуаром, а во-вторых, тогда меня никто не преследовал, просто мы с Генри решили немного поэкспериментировать. Для меня было загадкой, как можно так быстро сосредоточиться и в кого-то превратиться, когда тебе угрожает что-то невидимое и настолько ужасающее, что коленки трясутся. Наверно, Генри был таким мастером перевоплощений, потому что никогда ничего не боялся. Даже сейчас он беспечно посмеивался.

Стиснув зубы, я наконец-то нацарапала на бумажке пароль: «Тапочки с помпоном», сложила её треугольником и засунула обратно в почтовый ящик.

– Неряшливо, конечно, но правильно, – сказал мистер Ву, и дверь открылась.

Я схватила Генри под руку, перетасила его через порог и захлопнула дверь. Потом облегчённо вздохнула: хотя бы с этим мы справились!

– Может быть, в следующий раз можно как-то побыстрее?! – фыркнула я.

Да, с настоящим мистером Ву я бы никогда не решилась говорить в таком тоне.

– Тише едешь – дальше будешь, мисс Оливия. – Мистер Ву раскланялся передо мной (настоящий мистер Ву никогда бы для меня этого не сделал) и одарил Генри скромным кивком: – Добро пожаловать в Ресторан Снов мисс Оливии, незнакомый юноша с растрёпанными волосами.

Собственно, оказались мы, как я установила, в довольно-таки скверном ресторанчике, где стояли покрытые ярко-красными скатертями блестящие пластиковые столы, а с потолка свисали оранжевые китайские фонарики. Но здесь так соблазнительно пахло жареной курицей, что я только сейчас поняла, как проголодалась. Ложиться спать не поужинав было не самой лучшей идеей, потому что из-за этого мои сны то и дело выходили из-под контроля.

Генри озадаченно уставился на мистера Ву:

– Он что, новичок?

– Сегодня я – ночной страж! – торжественно возгласил мистер Ву. – Меня зовут мистер Ву, Молния – Небесный коготь тигра, покровитель сирот и нуждающихся. Дай человеку рыбу, и он будет сыт один день. Научи его ловить рыбу, и он будет сыт всегда.

Генри хихикнул, и я почувствовала, что краснею. Порой мне было немного неловко за свои сны. Сыплющий поговорками, выдуманный мистер Ву был одет в чёрную блестящую шёлковую пижаму с отпечатанной на спине головой тигра, а на затылке у него торчала косичка. Его реальный прототип, мой учитель кунг-фу из Калифорнии, даже на Хэллоуин так бы не вырядился.

– Ну ладно, – сказал Генри, не переставая смеяться. – Тогда мне, пожалуйста, утку в кисло-сладком соусе.

– Большое спасибо, мистер Ву, – отрезала я и стёрла его и весь сон одним движением руки.

И тут же мы оказались в маленьком парке в Беркли-Хиллз, Калифорния, куда я уже брала Генри с собой пару раз, и это был самый лучший сценарий, который пришёл мне в голову. Вид отсюда открывался великолепный: внизу лежала бухта и заходящее солнце заливало всё небо невероятными цветами.

Несмотря на это, Генри недовольно сморщился.

– В том ресторане так чертовски вкусно пахло, – сказал он, – а теперь у меня урчит в животе.

– У меня тоже. Но какая разница? Сколько бы мы ни съели, здесь мы не будем сытыми. – Я уселась на скамейку. – Это же, в конце концов, всего лишь сон. Чёрт, я должна была сказать мистеру Ву новый пароль. Кто знает, кто мог подсмотреть старый, пока я писала его.

– Ну я. «Тряпочки с кулоном» – это очень оригинальный пароль.

Он что, снова надо мной смеялся?

– Я имею в виду, никто до такого не додумается.

– Вообще-то было «Тапочки с помпоном». – Тут даже я рассмеялась.

– Серьёзно? Ты пишешь как курица лапой, – заметил Генри и сел рядом со мной. – А сейчас я хотел бы узнать, от чего или от кого ты так бежала. И я даже не получил свой приветственный поцелуй.

В один момент я снова стала серьёзной:

– Там снова был этот... шорох. Ты что, не слышал?

Генри отрицательно покачал головой.

– Но он был там. Такое невидимое, зловещее присутствие. – Голос мой звучал так, будто я читала вслух какую-то ужасную историю. Пусть так. – Шорох и шёпот, который подходит всё ближе. – Я вздрогнула. – Как в тот раз, когда он нас преследовал и ты спас нас через дверь Эми.

– И где именно ты это услышала?

К сожалению, по лицу Генри нельзя было понять, о чём он думает.

– Через коридор налево. – Я неопределённо махнула рукой в сторону моря. – Думаешь, это была Анабель? Она-то уж точно может обратиться невидимкой и злобно шуршать. Или это был Артур? Больше всего ему хотелось бы напугать меня до смерти.

Хотя я на него за это даже не обиделась бы. Всё же прошло уже два месяца, как я сломала Артуру Гамильтону челюсть. Звучит ужасно, и на это я могу ответить только одно (иначе выйдет очень долго и запутанно): он это заслужил. Особенно возиться мне с ним тогда было некогда, потому что отрицательной героиней в этой истории была его подруга Анабель Скотт. Даже не отрицательной, а просто ненормальной, как потом оказалось. Политкорректно это называлось «острое полиморфное психическое расстройство с симптомами шизофрении», и именно поэтому она сейчас жила далеко за пределами Лондона, в закрытой психиатрической лечебнице, и никому не могла нанести никакого вреда, кроме как во сне.

Анабель была твёрдо убеждена, что способность самостоятельно конструировать сны и встречаться в них одолжил нам демон, достаточно коварный и тёмный, из дохристианского времени, который стремился не к чему иному, как к мировому господству. К моему счастью, попытка достичь мирового господства потерпела неудачу, когда Анабель при поддержке Артура ради достижения цели хотели пролить мою кровь. (Как я уже сказала, это долго и запутанно!¹)

Вера в демона была частью её болезни, а я была очень рада, что этот самый демон существовал только в больной фантазии Анабель, потому что у меня были проблемы со сверхъестественными феноменами, и с демонами в особенности. Я пока не могла найти хоть какое-то логическое объяснение этому явлению во снах. Для простоты я поместила это в категорию «абсолютно логически объяснимый психологический и естественнонаучный феномен, который, к сожалению, невозможно объяснить на современном этапе развития науки». Это было намного разумнее, чем верить в демонов. Даже несмотря на то что моя вера в данный факт заметно пошатнулась, когда я слышала шорох... Но я бы не хотела упоминать это при Генри.

А он всё это время ждал, что я продолжу говорить.

– Через коридор налево, – повторил он.

Анабель и Артура он решил не трогать. Генри очень неохотно говорил о них, так как до того случая на осеннем балу два месяца назад эти двое были его лучшими друзьями.

– Ты была там, потому что?.. – Он вопросительно смотрел на меня.

– Потому что мне нужно было там кое-что решить. – Я почесала руку и автоматически перешла на шёпот: – Что-то очень аморальное. Я хотела... нет, я должна была выследить кое-кого во сне.

– Это совсем не аморально, а, наоборот, очень даже практично, – сказал Генри. – Я это постоянно делаю.

– Правда? Кого? И почему?

Он дёрнул плечами и отвёл взгляд в сторону:

– Иногда это очень полезно. Или весело. Когда как. Так кого ты там хотела... м-м... должна была выследить?

– Чарльза Спенсера.

¹ Полностью всю историю можно прочесть в первой книге трилогии «Зильбер» (Гир Керстин. Зильбер. Первый дневник сновидений / Гир К. – М.: Робинс, 2015. – 328 с.)

– Этого скучной зубного дядюшку Грейсона? – Генри выглядел немного разочарованным. – Почему именно его?

Я вздохнула.

– Мия, моя младшая сестра, видела Чарльза в кафе с другой женщиной. И она клянётся, что они обменивались влюблёнными взглядами и почти всё время держались за ручки. Да, я знаю, что Лотти и Чарльз ещё не официально вместе, но он всё время с ней заигрывает, и они уже два раза ходили в кино. Даже слепому видно, как Лотти в него влюблена, пусть она и не признаёт этого. Она вяжет ему тапочки на Рождество – это уже о чём-то говорит... Не смейся как дурак! Это серьёзно. Лотти ещё никогда не была так взбудоражена из-за мужчины, и очень плохо, если он только играет её чувствами.

– Извини. – Генри тщетно пытался сдержать улыбку. – Теперь я знаю, откуда ты взяла свой пароль... Хорошо, давай дальше.

– Мне нужно было срочно узнать, что Чарльз по-настоящему чувствует к Лотти. В общем, я стащила его ужасную меховую шапку и попала к нему в сон. – Я снова осознала, что в данный момент лежу в кровати в этой шапке – наверно, мои волосы были уже совершенно мокрыми.

Похоже, Генри тоже представил себе, как я выглядела в ней. Сейчас он точно снова начнёт смеяться, и я не смогу на него за это обидеться. Но в ответ на мой испытующий взгляд он простодушно посмотрел на меня и сказал:

– Хорошо. И как ты это подстроила?

Я в недоумении наморщила лоб:

– Как-как! Зашла через его дверь.

– Это понятно. Но в кого или во что ты превратилась?

– В саму себя, ясное дело. Я надела бейсболку, потому что сон был на площадке для гольфа и я должна была выглядеть соответствующе. И только Чарльз был готов сказать что-то о Лотти, как его дурацкая пожарная... – Я закрыла рот ладонью от испуга. – Вот чёрт! Я совсем забыла! Пожарная сигнализация! Она зазвенела, и я подумала только о том, как бы мне поскорей выбраться из сна до того, как Чарльз проснётся! Я ужасный человек! Я должна была проснуться и позвонить в пожарную службу!

Генри было абсолютно наплевать на пожар у Чарльза. Он улыбнулся мне и погладил по щеке кончиками пальцев.

– Лив, ну тебе же известно, что людям во сне необязательно быть честными. По собственному опыту могу сказать, что во сне врать даже проще, чем в реальной жизни. Так что если ты просто так зайдёшь в чей-то сон и задашь человеку пару вопросов, это не поможет тебе узнать всю правду, потому что этот человек ответит тебе абсолютно то же самое, что ответил бы наяву.

Это, конечно, было очевидно, и такая мысль мне уже приходила в голову. По существу, у меня не было абсолютно никакого плана, когда я нагрянула в сон Чарльза. Я действовала бесхитростно, с одной лишь мыслью защитить Лотти.

– А как, по-твоему, я должна была поступить? Вот только не говори сейчас, что мне стоило бы превратиться в космическую ракету.

– Самый лучший вариант – это если человек совсем не заметит, что ты в его сне. Будучи невидимым, о нём можно узнать очень многое. А если иметь немножечко терпения, даже всё.

– Но я не хочу узнать о Чарльзе всё, – сказала я и содрогнулась от одной только мысли. – Я просто хочу узнать, серьёзно ли он относится к Лотти. Потому что если нет, тогда... – Я сжала руки в кулаки. Мия и я ни за что не допустим, чтобы кто-то причинил Лотти боль, и уж точно не Чарльз. Мия и так хотела свести её с тем симпатичным врачом из ветклиники «Тропа пилигрима». – С другой стороны, может быть, бедный Чарльз там уже умер от отравления угарным газом, потому что я не позвонила пожарным, и всё разрешилось само собой.

– Я люблю тебя, – неожиданно сказал Генри и привлек меня к себе.

Я мгновенно забыла о Чарльзе. Генри обычно не был расточителен на слова любви. За последние два месяца он произнёс это ровно три раза, и каждый раз, когда он это говорил, я ужасно смущалась. Единственно правильная реакция на его слова была бы: «Я тебя тоже люблю», но я так и не смогла это вымолвить. Не потому, что я его не любила. А потому, что это не имело столько смысла, сколько его спонтанное «я люблю тебя».

– Даже несмотря на то что я не умею превращаться в ракету и становиться невидимой? – сказала я вместо этого.

Генри кивнул:

– Ты ещё научишься. Ты невероятно талантлива. Во всех отношениях.

Затем он наклонился и поцеловал меня. Наконец-то это был настоящий волшебный сон.

Глава третья

Недостатком снов со включённым сознанием было то, что за ночь выспаться было невозможно. Но за последний месяц я разработала несколько методов, как с этим справиться, – горячий душ, умывание ледяной водой и, наконец, для кровообращения, четверной эспрессо, спрятанный под вспененным молоком, чтобы Лотти не читала мне лекций о чувствительности стенок желудка у молодёжи. Итальянская кофе-машина, которая одним нажатием кнопки перемалывала кофейные зёрна и вспенивала молоко, была одной из тех причин, по которой жить в доме Спенсера было не так уж и плохо. Лотти придерживалась мнения, что кофе можно пить только с восемнадцати лет, но мама не ставила такого возрастного ограничения даже для алкоголя, поэтому я имела неограниченный доступ к кофеину.

На полпути к кухне я встретила свою младшую сестру. Она только что вернулась с прогулки с нашей собакой Кнопкой и прислонила свои ледяные ладони к моим щекам.

– На вот, потрогай, – сказала она взволнованно. – В новостях сказали, что в этом году, может, даже снег к Рождеству выпадет и январь будет самым холодным за последние одиннадцать лет... А я, блин, варежку потеряла. Серую такую, в горошек. Ты её, случайно, не видела? Это мои любимые.

– Нет, к сожалению, не видела. Ты не смотрела в Кнопкином тайнике?

Кнопка в это время повалилась передо мной на пол с таким невинным видом, будто ей и в голову не приходило утащить варежки, носки и туфли в неизвестном направлении и вернуть обратно полностью изжёванными. Я почесала ей животик и немножко посюсюкала (ей это нравилось), прежде чем подняться и направиться в обход Мии на кухню, а точнее, к кофе-машине. Кнопка последовала за мной. Но она, конечно, надеялась не на кофе, а на ростбиф, который Эрнест ставил на стол к завтраку.

Мы жили уже почти четыре месяца в этом просторном уютном кирпичном доме в Лондоне, в районе Хампстеда, но, хотя город мне очень нравился и у меня была своя собственная большая и красивая комната, я всё время чувствовала себя как будто в гостях. Может быть, потому, что я не привыкла ощущать себя где-то как дома.

До того как мама встретила Эрнеста Спенсера и решила провести остаток своей жизни с ним, мы все – мама, Мия, Лотти, Кнопка и я – переезжали почти каждый год. Мы жили в Германии, Шотландии, Индии, Нидерландах, Южной Африке и, конечно, в США, откуда мама и была родом. Мои родители развелись, когда мне было восемь, но папа, как и мама, не отличался постоянством. Он очень радовался, когда ему предлагали работу в стране, где он ещё никогда не был. Наш папа – немец, и в настоящее время он и два его чемодана («больше того, что входит в два чемодана, человеку не нужно», – говаривал он) жили в Цюрихе, куда мы с Мией и поедем к нему на рождественские каникулы.

Стоит ли удивляться, что нашей заветной мечтой все эти годы было осесть где-нибудь? Мы всегда мечтали о доме, в котором могли бы остаться и надолго обустроиться. Доме, в котором было бы много места, отдельная комната для каждого из нас, с садом, где Кнопка могла бы резвиться, с яблоней, на которую можно было бы забраться...

Сейчас мы жили практически в таком доме (даже дерево для карабканья там было, только это была вишня), но он принадлежал не *нам*, а Эрнесту и его детям, семнадцатилетним близнецам Флоранс и Грейсону. Кроме них был ещё дружелюбный рыжий кот, по кличке Спот, и все они прожили всю свою жизнь в этом доме. И сколько бы раз Эрнест ни повторял, что его дом – это и наш дом тоже, я не чувствовала этого. Может быть, потому, что нигде не было отметок с нашим ростом и именами, а пятно на персидском ковре и расколотая кухонная плитка ни о чём нам не напоминали, ведь семь лет назад, когда при разогревании фондю случайно заго-

релась салфетка или когда пятилетняя Флоранс так разозлилась, что кинула в Грейсона своей стеклянной бутылочкой, нас здесь не было.

А может, просто нужно ещё подождать. Но было понятно, что за прошедшее время мы ещё не успели обосноваться и завести свои привычки, хотя мама уже вовсю над этим работала. Каждое воскресное утро (а утро в её понимании было по-настоящему ранним) она заботилась о плотном и дружном завтраке. Это был обычай, который она сразу же ввела и у Спенсеров и который вызывал недовольство Флоранс и Грейсона, особенно сегодня. Судя по выражению лица Флоранс, она была снова именно в том настроении, чтобы кинуть бутылочку. Дело в том, что они до полчетвёртого развлекались на дискотеке и сейчас непрерывно зевали: Флоранс – прикрывая рот рукой, а Грейсон – совершенно бесцеремонно, сопровождая это зрелище протяжным «а-а-а!».

По крайней мере, я была не одна, кому приходилось бороться с усталостью, правда, наши методы борьбы различались. В то время как я прихлёбывала свой кофе и ждала, когда кофеин попадёт в кровь, Флоранс накалывала на вилку дольки апельсина и лениво подносила их ко рту. Видимо, при переутомлении она делала ставку на витамин С – круги под её карамельно-карими глазами вот-вот исчезнут, и она будет выглядеть, как всегда, безупречно. Грейсон же, в свою очередь, уплетал килограммы яичницы с тостами и не мог похвастаться мешками под глазами. Если бы не постоянные зевки, никто бы и не заметил его усталости. Но ему совершенно точно нужно было срочно побраться.

Мама, Эрнест и Лотти выспались и сияли, глядя на нас, а так как мама в виде исключения была хорошо одета и причёсана, а не сидела как обычно по утрам в воскресенье в откровенном неглиже, я улыбнулась в ответ.

Может быть, ещё и потому, что мамино счастье было так заразительно и всё выглядело очень уютно и по-рождественски. Зимнее солнце сияло сквозь украшенное гирляндой окно и заставляло красные бумажные звёздочки светиться, в воздухе витал аромат свежего сливочного масла, апельсина, ванили и корицы (Лотти испекла целую гору вафель, которые смотрели на меня с центра стола), и Мия рядом со мной выглядела как маленький румяный рождественский ангелочек в очках. Но вела она себя не как подобает ангелочку.

– Мы что, в зоопарке? – спросила она, когда Грейсон уже, наверное, в восьмой раз, зевая, вывихнул челюсть.

– Да, – невозмутимо ответил Грейсон. – Кормление бегемотов. Пододвинь, пожалуйста, масло поближе.

Я ухмыльнулась. Грейсон был следующей причиной, по которой мне нравилось жить в этом доме, и он даже превосходил кофе-машину.

Во-первых, он помогал мне с математикой, когда я совсем не знала, что делать (в конце концов, он был на два класса старше меня), во-вторых, на него было просто приятно посмотреть, даже если он не спал всю ночь и зевал, как бегемот, а в-третьих... он был просто милым. В отличие от сестры.

– Жаль, что у Генри вчера снова... не нашлось времени, – сказала Флоранс мне, и хотя её голос выражал сочувствие, я в нём чётко слышала злорадство. Уже сам факт, что она вставила эту искусственную паузу перед «не нашлось времени», говорил об этом. – Вы многое пропустили. Нам было *так* весело! Правда, Грейсон?

Грейсон в ответ только снова зевнул, а мама была тут как тут.

– Лив, дорогая, ты вчера легла спать не поужинав. Пора начинать беспокоиться?

Я хотела было ответить, но мама просто продолжила говорить:

– Это ненормально в твоём возрасте – просиживать субботний вечер дома и так рано ложиться спать. Ты не должна вести себя как монашка и избегать вечеринок только потому, что у твоего парня нет времени.

Я хмуро посмотрела на неё через очки. Мама снова в своём репертуаре! Речь шла о дне рождения какого-то старшеклассника, с которым мы были едва знакомы, я была приглашена только в качестве сопровождения Генри, и было бы ужасно глупо, если бы я пришла туда одна. Не говоря уже о том (что бы ни говорила Флоранс), что я точно ничего не пропустила. Все вечеринки одинаковые: куча народа, теснота, слишком громкая музыка и слишком мало еды. Расслышать друг друга можно только в крике, кто-нибудь обязательно напьётся и начнёт отвратительно себя вести, а если захочешь потанцевать, то тебе обязательно заедут локтями по рёбрам. Ну уж нет, у меня немного другое представление о развлечениях.

– Кроме того, – мама наклонилась ещё ближе, – если Генри должен сидеть со своими младшенькими, – что, конечно, очень похвально, – кто сказал, что ты не можешь ему помочь?

Тут мама попала в точку, в самое болезненное место. За два месяца наших отношений Генри часто приезжал ко мне. Мы проводили время в моей комнате, в парке, в кино, на вечеринках, в школьной библиотеке, в кафе за углом и, конечно, в наших снах. (А один раз мы даже были на кладбище. Точнее сказать, на Хайгейтском кладбище, чтобы проверить, не осталась ли на мне рана, полученная из-за Артура и Анабель. Не осталась, но на кладбище было классно.) А вот дома у Генри я ещё ни разу не была.

Из его семьи я знала только его четырёхлетнюю сестру Эми, и то только по сну. Я знала, что у него ещё есть брат Мило, ему было двенадцать, но Генри очень редко говорил о нём, а о своих родителях даже никогда не заикался. В последнее время я уже не раз задавалась вопросом, не специально ли Генри держит меня на расстоянии от своего дома. Всё, что я слышала о его семье, я узнала не от него, а из блога Леди Тайны. Благодаря ей я развела, что его родители были разведены, его папа был женат уже три раза и сейчас планировал заполучить бывшую венгерскую модель нижнего белья в качестве четвёртой жены. Если верить Леди Тайне, кроме Эми и Мило у Генри должна быть ещё целая куча старших сводных братьев и сестёр.

Мама подмигнула мне, и я быстренько прогнала свои мысли прочь. Если мама подмигнула, это был намёк. И это было неловко.

– Мне всегда было весело сидеть с детишками. Особенно когда они засыпали. – Она ещё раз подмигнула, и уже Мия встревоженно выпустила нож из рук. – Особенно хорошо мне запомнился диван Миллеров...

Вот тебе и уютное воскресно-рождественское настроение.

– Ма-ам! – резко сказала Мия одновременно со мной. – Не сейчас!

Про диван Миллеров мы уже знали и совсем не хотели, чтобы мама за завтраком рассказывала, что она на нём пережила. Это было в её собственных интересах.

Пока она переводила дыхание (самым неприятным было то, что у мамы множество нелепых историй, она владела неисчерпаемыми запасами), я решила быстро вставить:

– Я вчера осталась дома, потому что чувствовала себя немного простуженной. А ещё у меня много домашних заданий.

О том, что я рано легла спать в отвратительной шапке-ушанке, украденной у Чарльза, поскольку у меня была тайная миссия, я просто не могла сказать. Мы никому не выдавали то, чем мы занимались в снах, наверное, нам бы всё равно никто не поверил. Или отправили бы нас в психушку к Анабель. Из присутствующих об этом знал только Грейсон, но я была уверена, что после событий, которые произошли два месяца назад, он больше ни разу не переступил порог своей двери в сны, и даже больше – он точно думал, что и мы держались подальше от этого. Грейсон никогда не чувствовал себя хорошо в чужих снах, он считал, что это жутковато и опасно, и пришёл бы в ужас, если бы узнал, что мы просто не могли остановиться. И в отличие от Генри, точно счёл бы мои действия вчерашней ночью аморальными.

Кстати, из-за шапки мне пришлось два раза отмывать голову, но это всё равно не помогло. Когда Лотти взяла добавку яичницы и села опять рядом со мной, мои волосы издали отчёт-

ливый треск, а потом прилипли к шерстяному розовому свитеру Лотти. Все за столом засмеялись, и даже я, когда в зеркале напротив стола увидела эту картину.

– Прямо как дикобраз! – сказала Мия, пока я пыталась справиться со своими волосами. – У нас тут сегодня самый настоящий зоопарк. Кстати, про зоопарк: для кого у нас тут столько столовых приборов? – Она указала на пустую тарелку рядом с Лотти. – Дядя Чарльз тоже придёт к нам на завтрак?

Лотти и я одновременно вздрогнули при его упоминании: она, видимо, от радости, а я – скорей, от осознания вины. Мы замерли в ожидании, когда услышали, как дверь открывается, и я стала готовиться к худшему. Но, к облегчению, запах горелого, внезапно ударивший мне в нос, доносился всего лишь от тоста.

Энергичные шаги, которые раздавались в коридоре, принадлежали совсем не Чарльзу, а кому-то другому. Тому, кого нельзя было ни с кем спутать. Мия тихонько вздохнула и многозначительно посмотрела на меня. Да и я закатила глаза. Подгоревший Чарльз был бы мне даже больше по душе. Остатки тёплых рождественских чувств покидали комнату, и вот она уже стояла в дверном проёме – эта рыжая бестия, также известная как «дьявол в платке от Гермес», гражданское имя – Филиппа Аделаида Спенсер или, как говорили Флоранс и Грейсон, *бабуля*. По слухам, её подруги по бридж-клубу называют её Персиковая Пиппа, но в это я поверю только тогда, когда услышу собственными ушами.

– О, я смотрю, вы начали без меня! – сказала она вместо приветствия. – Это что, американские привычки?

Мы с Мией снова обменялись взглядами. Если дверь в дом не была открыта, значит, у этой бестии имелся ключ. Страшновато.

– Но, мама, ты опоздала на полчаса, – сказал Эрнест и встал, чтобы поцеловать её в обе щеки.

– Серьёзно? Какое время ты мне вчера назначил?

– Никакое, – сказал Эрнест. – Ты же сама это придумала, помнишь? Ты записала на автоответчик, что в девять тридцать придёшь к нам на завтрак.

– Глупости, про завтрак я ни слова не сказала. Я уже поела дома. Спасибо, родной.

Грейсон взял её пальто (рыжее), ради воротника которого лиса пожертвовала своей жизнью, а Флоранс просияла и сказала:

– Ой, у тебя такие красивые (рыжие) джемпер с водолазкой! Они тебе так идут, бабуля!

Лотти уже хотела приподняться, но я вцепилась железной хваткой в рукав её свитера. В прошлый раз она раскланялась перед этой бестией, но это не могло повториться ещё раз.

Пожилая миссис Спенсер была рослой, стройной женщиной, которая выглядела намного моложе своих семидесяти пяти лет. С её изящной прямой осанкой, длинной шеей, элегантно короткой стрижкой и ледяными голубыми глазами, которые осматривали нас по очереди, она идеально подошла бы на роль злой мачехи Белоснежки версии «тридцать лет спустя».

Во избежание недоразумений, нужно отметить, что мы не всегда были так враждебно настроены к ней. Сначала мы серьёзно старались полюбить мать Эрнеста, ну или хотя бы понять её. В конце августа она отправилась в трёхмесячное путешествие на корабле «Королева Елизавета», а когда вернулась в конце ноября, загорелая и нагруженная сувенирами, увидела, что её любимый сынок привёл в дом американку с дочерьми, их няней и собакой. Понятно, что она горько разочаровалась и от такого сюрприза потеряла дар речи. Но, к сожалению, ненадолго, потому что потом начала высказывать своё мнение и до сегодняшнего дня не прекратила.

В основном она пыталась с поразительной открытостью обвинить маму в том, что та охотилась за наследством, и самыми отвратительными способами отвадить от неё Эрнеста. И вообще она связывала это с общей нелюбовью к американцам, которых считала бескультурными, глуповатыми и тщеславными. Тот факт, что у мамы было два высших образования, не

очень её впечатлял, ведь она их получила в США, а не в *цивилизованной* стране. (А то, что мама сейчас преподавала в Оксфорде, она умышленно игнорировала.) Хуже американцев, по мнению миссис Спенсер, могли быть только немцы, которые затеяли Вторую мировую войну. Именно поэтому она считала Мию и меня не только бескультурными, глуповатыми и тщеславными (со стороны мамы), но и от природы подлыми и коварными (со стороны папы). Лотти же, в свою очередь, была просто подлой и коварной, так как являлась чистокровной немкой, а наша собака... Ну, как сказать?.. Миссис Спенсер вообще не любила животных, кроме как поджаренных в соусе и подаваемых на тарелке. Или в качестве воротника.

Мы очень старались усыпить её злобу и пробудить тёплые чувства, но у нас это совсем не получалось. (Хорошо, *очень* старались – это небольшое преувеличение.) А сейчас мы даже бросили все попытки. Как там Лотти всегда говорила? «Как аукнется, так и откликнется». Ну или как-то так. Только нам было бесполезно аукать. Особенно мне и Мие. Мама всё время надеялась на чудесное перевоплощение, а Лотти... Ой, Лотти – это безнадёжный случай. Она твёрдо верила в хорошее в людях. Даже в хорошее в нелюдах.

Бестия в этот момент посмотрела на Лотти и желчно промолвила:

– Сделай мне просто чай. Чёрный «Эрл Грэй» с каплей лимонного сока.

– Сейчас принесу! – Тут уж ничто не могло сдержать Лотти, она вскочила.

Ещё немного – и её свитер порвался бы, потому что я всё ещё цепко держала её за рукав. Грейсон было сказал: «Я могу это сделать», – но Лотти остановила его. Мы уже несколько раз говорили миссис Спенсер, что Лотти не служанка (более того, воскресенье было её выходным днём), но наши объяснения, несмотря ни на что, до неё не доходили. Она придерживалась мнения, что тот, кому ты платишь деньги, не может быть твоим другом.

– В нормальной чайной чашке, а не в таком стакане, из которых вы все пьёте свой отвратный кофе.

Миссис Спенсер уселась. Как обычно, в её присутствии создавалось впечатление, что ты недостаточно тепло одет. Я подумала о тёпленьком вязаном свитере. И захотела ещё кофе из обычного стакана.

– *Рыся*, – прошептала Мия мне на ухо.

– Что-что? – шепнула я в ответ.

– *Рыжая бестия* – это очень длинное имя. Давай называть её просто Рыся.

– Согласна. – Я хихикнула. Прозвище Рыся отлично ей подходило.

Миссис Спенсер осмотрела нас с порицанием (маму и Флоранс тоже – перешёптывание и хихиканье за столом, несомненно, не были знаком хорошего воспитания), но потом всё-таки решила, что не стоит к нам обращаться.

– Грейсон, дорогой, а где же милая малышка Эмили? – осведомилась она.

– Ей повезло немножко больше: она всё ещё спит в своей кровати.

Грейсон в который раз потянулся к яичнице и намазал тост, семнадцатый, по моим подсчётам. Невероятно, сколько в него входит, и при этом он не толстеет ни на грамм!

«Милая малышка Эмили!» Мне кажется или это было сказано с иронией?

Эмили, девушка Грейсона, училась, как и он, в выпускном классе, была редактором школьной газеты, занималась конной выездкой и имела за это множество дипломов и не была ни милой, ни малышкой. Но бестии... М-м... Рысе Эмили очень понравилась, она никогда не упускала возможности с восхищением упомянуть её и похвалить Грейсона за его изысканный вкус в выборе женщин, который он, видимо, унаследовал не от своего отца.

Она аррогантно² вздохнула:

² *Аррогантно* – заносчиво, надменно. (*англ.*) Рядом с ней мы были вынуждены узнавать множество странных слов: *возмущение, неприязнь, горячиться, шелковица, национальное достояние, сенсационный, мезальянс*. Все эти слова для меня были чужими три недели назад, а сейчас легко слетали с губ.

– Ах, я просто надеялась её тоже здесь встретить. Но, видимо, вы сегодня пригласили только обслугу.

Я быстренько глянула на Лотти, но она ничего не слышала, потому что громко звенела посудой, стремясь заварить идеальный чай.

– Лотти живёт здесь, – сказала Мия без всякого намёка на доброжелательность. – Скажите, пожалуйста, где, по вашему мнению, она должна завтракать?

Брови миссис Спенсер снова поднялись.

– Насколько я знаю, моя внучка выделила вашей няне пространство на мансарде, и места там, видит Бог, больше чем достаточно.

Ах, только не это!

– Мама! Мы это уже несколько раз обсуждали. Давайте, *пожалуйста*, поговорим о чём-нибудь другом.

Эрнест выглядел совсем печально. А моя мама так вцепилась в скатерть, как будто боялась вскочить и убежать из-за стола.

– Хорошо, сменим тему. Ты должен прийти ко мне и поменять аккумуляторы в пожарной сигнализации, Эрнест, – сказала миссис Спенсер. – Сегодня ночью у Чарльза сработала тревога, потому что они разрядились. (Фух, значит, он был все ещё жив!) У меня бы случился инфаркт, если б со мной такое произошло.

Она демонстративно схватила себя за рыжий джемпер в том месте, где располагался бы ее кардиостимулятор, если бы у неё было чувствительное сердце. Но этого не могло случиться. Она была здорова как бык.

– Пожалуйста. – Лотти поставила перед ней чашку. – «Эрл Грэй» с каплей лимонного сока.

– Спасибо, мисс ...

– Вастельхубер.

– Вастелхебер, – сказала миссис Спенсер.

– Можете называть меня просто Лотти, – заметила Лотти.

Миссис Спенсер ошарашенно уставилась на нее.

– Ну уж нет, – ответила она с напором и начала копаться в своей сумочке. Видимо, в поисках нашатыря.

– Ой, расслабься, Рыся, – пробормотала Мия по-немецки себе под нос.

Никто из Спенсеров не знал немецкого, поэтому мы иногда использовали его как тайный язык. Но только при необходимости.

Рыся кинула таблетку сахарозаменителя из её личной коробочки с лекарствами и помешала чай.

– То, из-за чего я вообще-то здесь... Как вы все уже знаете, каждый год в январе на Крещение я устраиваю маленькую чайную вечеринку.

– *Маленькую* – это хорошо, – пробубнил Грейсон. Но его не услышали из-за восклицания Флоранс:

– Ах, бабуля, как же я люблю эту чайную вечеринку! – как будто речь шла о самой крутой вечеринке всех времён и народов.

Миссис Спенсер слабо улыбнулась:

– Да, я уже думала ничего не затевать, но мои подруги замучили меня расспросами, а здесь, очевидно, никто не хочет братья за ум. – Тут она закашлялась и удручённо посмотрела на Эрнеста. – Мне ничего не остаётся, как распространить своё приглашение и на твой новый бомонд, сын мой.

Так как никто не отреагировал (Мия и я нет, потому что мы не знали, что такое *бомонд*, и уже подумывали, не связано ли это с какими-нибудь отбросами), она добавила, томно вздыхая:

– Это значит, я была бы... – Тут она снова откашлялась, теперь уже взяв на прицел маму. – Очень рада принять тебя, дорогая Энн, и твоих дочек у себя в гостях.

Удивительно, но даже эти слова звучали как приказ. И ещё ни один человек не выглядел так нерадостно, произнося в ответ слова, что он очень рад.

Похоже, Эрнест был того же мнения.

– Если ты... – Он наморщил лоб. Но мама тут же его перебила.

– Так мило с твоей стороны, Филиппа, – мягко сказала она, – мы с удовольствием придём. Правда, девочки?

Прошло несколько секунд, прежде чем мы через силу улынулись и кивнули, но только потому, что мама с надеждой смотрела на нас.

Ну хорошо – значит, мы пойдём на крещенское чаепитие, и престарелые дамы будут осматривать нас с головы до ног. Ничего, мы и не такое переживали.

Миссис Спенсер умиротворённо попивала свой чай. Она бы точно подавилась, если бы знала, что крещенское чаепитие станет днём смерти Господина Исполина и его убийцы будут также приглашены. Которые, в свою очередь, не имели ни малейшего понятия, кто такой этот Господин Исполин. Ну а пока и мы ничего не знали, уплетая вафли с корицей.

БАЛАБО-БАЛАБА

БЛОГ

Блог «Балабо-Балаба» – самые свежие новости, последние сплетни и горячие скандалы «Академии Джабс».

ОБО МНЕ:

Я – Леди Тайна, я здесь, среди вас, и знаю все ваши секреты.

UPDATE

ACTIVITY

25 декабря

С Рождеством всех! Ну что, рады каникулам? Все ли нашли подарки под ёлкой, как и мечтали? К сожалению, не как Портер-Перегрин. Персефона разрыдалась, потому что вместо своего возлюбленного она получила всего лишь часы от Картье. Что же должны были делать бедные родители? Джаспер Грант ни в какую не хотел заворачиваться в подарочную бумагу. Но я её понимаю. Даже я уже скучаю по Джасперу. Без него всё не так! Провести целый триместр во Франции только для того, чтобы спасти свою годовую оценку по французскому, – можно было и о друзьях подумать! Кто, если не он, будет затевать скандалы на вечеринках? И как без него сможет «Джабс Флеймс» выиграть ответные матчи? Они уже и так пострадали от того, что отстранили Артура Гамильтона от должности капитана команды. И да, я все ещё не знаю, что произошло тогда на Осеннем балу и почему Джаспер, Грейсон Спенсер и Генри Гарпер больше не общаются с Артуром. Так что перестаньте приставать ко мне с расспросами. Я обязательно узнаю все подробности и, как только я это сделаю, выложу сюда. Обещаю!

В Лондоне сейчас довольно тихо, уже хотя бы потому, что Хейзел-меня-достало-быть-предметом-твоих-насмешек-Притчард сейчас гостит у своей бабушки в Джерси и её не видно каждый день на пробежке через весь Хампстед, пыхтящую как паровоз. Директриса Кук сейчас

в Корнуолле, как приблизительно треть всех обитателей школы. (Эй, есть здесь вообще кто-нибудь, у кого нет особняка в Сент-Айвсе?) А миссис Лоуренс улетела на Лансарот. Кстати, мистер Ванхаген тоже там. Интересное совпадение, правда? Ну, а как вы проводите свои каникулы? Уютно сидите дома, как близнецы Спенсер? Я бы с удовольствием рассказала, чем занимаюсь я, но ведь вы снова приметесь разузнавать, кто я на самом деле, а это уже становится скучным. Просто смиритесь с тем фактом, что вы этого никогда не узнаете!

Увидимся!

Ваша Тайна в невероятно-рождественском настроении.

P.S. Кстати про Рождество. Лив и Мия Зильбер уезжают на Рождество к своему отцу в Цюрих на целых десять дней, но я сомневаюсь, что Генри будет скучать по своей половинке. У них, скорее, чисто платонические отношения: они уже несколько месяцев вместе, а ещё ни разу не переспали. Всего лишь обнимались да держались за ручки... Хм, что тут вообще можно ожидать? Мы-то все знаем, что Генри Харпер не стал бы себя сдерживать, значит, проблема в Лив. Неужели она такая ханжа? А может быть, она просто немного запоздала в развитии, бедняжка...

www.silber-trilogy.com

Глава четвёртая

Как только мы начали заходить на посадку, я стала на ощупь искать руку Мии, потому что, когда мы проходили слой облаков, наш самолёт несколько раз серьёзно трянуло и я решила, что мы сейчас разобьёмся. Но потом он легко вынырнул из облаков, и мы увидели Темзу и заснеженный Лондон, и волнующее, щекотное чувство в животе сменилось предвкушением радости.

Мия сжала мою руку:

– Не волнуйся, с нами ничего не случится. Но в следующий раз перед полётом ты можешь написать завещание и передать всё имущество своей младшей сестре, если тебя это утешит.

– Во-первых, если мы разобьёмся, то с тобой произойдёт то же, что и со мной, а во-вторых, у меня, к сожалению, нет ничего, что я могла бы завещать.

– Ты забыла про гитару и рождественский подарок нашей двоюродной тётки Гертруды! – злобно хихикнула Мия.

– Нет, извини, я хочу, чтобы эти вещи похоронили вместе со мной.

Наша американская тётка в этом году снова превзошла саму себя. Мие она подарила бритвенный прибор для Кена и карету для Барби, в которую был запряжён розовый Пегас, а мне – набор для выращивания доисторических моллюсков. Нам обеим это было невероятно нужно!

Мы уже давно бросили мечтать об огромных подарках на Рождество. Наверное, Дед Мороз нас просто не очень любил. И в этом году он не принёс так нужные нам смартфоны взамен телефонов из каменного века. Зато у нас были стильные чехлы для старомодных телефонов из каменного века, заботливо связанные Лотти.

– Я постоянно задаюсь вопросом: зачем мы каждый год пишем эти дурацкие записки, если всё равно не получаем то, что пожелали, – сказала Мия. – Что-то я не могу припомнить, чтобы я заказывала *пластиковую лошадь с крыльями* или *предсмертные переживания в подъёмнике*.

– Или *синяки по всему телу*, – добавила я.

– Что, так сложно найти прибор ночного видения, набор кубиков или красный парик?

Мия уныло шмыгнула носом:

– Вместо этого ты получаешь свитер, подушку, DVD или катание на горных лыжах! И ещё нужно делать вид, что ты этому рад! Только подумай, сколько смартфонов можно было бы купить на эти деньги!

– Мне бы хватило и одного, – сказала я.

С моего телефона нельзя было даже звонить за границей. Это значит, что я не слышала голос Генри целых десять дней. По крайней мере, по телефону.

Последний раз мы с Мией стояли на лыжах восемь лет назад. И поэтому мы, конечно, волновались, когда в самый первый раз папа нас взял на самую вершину. Он считал, что это как ездить на велосипеде, – если ты это когда-то умел, то уже никогда не разучишься. Только эту теорию мы сейчас можем легко опровергнуть. Думаю, я была первым человеком, который проехал трассу кубка мира по гигантскому слалому в Адельбодене от начала до конца на мягком месте. Папа смеялся до упаду и дал моей попе кличку Кюнисбергли в честь «покорённой» горы. Это было ударом по моему самолюбию, и уже на следующий день я в два раза меньше времени провела в снегу. А в последний день вообще обогнала папу. Но далось мне это нелегко.

По крайней мере, я больше не хромала и боль в мышцах немного успокоилась, когда мы после приземления тащились с чемоданами через ограждения в аэропорту.

Мы услышали мамин крик: «Ага-а! Мы здесь!» – ещё до того, как мы её увидели, и, к моему удивлению, меня совсем не смутило, что Эрнест оказался рядом с ней. Видимо, я уже

смирилась с тем, что он теперь присутствовал в нашей жизни; в последние четыре месяца он даже начал мне нравиться. Я была немного расстроена, потому что Генри не было с ними. А он говорил, что приедет в аэропорт, чтобы встретить меня.

– Вы выглядите очень отдохнувшими, – сказала мама после того, как мы обнялись. – Свежие и румяные, прямо как девочки с альпийских лугов!

– Это обморожения, – возразила Мия. – Если повезёт, нам никогда не надо будет тратиться на румяна.

Мама засмеялась.

– Ах, как же мне вас не хватало! – сказала она.

Мама выглядела восхитительно, несмотря на то что снова побывала у того парикмахера, который делал ей стрижку а-ля Камилла, герцогиня Корнуольская. Я надеюсь, что в её возрасте буду так же хорошо выглядеть. Только с другой причёской, разумеется.

Как я ни старалась найти белокурую взлохмаченную макушку Генри в толпе, его нигде не было. Теперь я была уже расстроена чуточку больше. Может, он ждал меня в другом аэропорту?

Эрнест взял наши чемоданы, как настоящий английский джентльмен.

– На этот раз сыру не прихватили? – поинтересовался он и подмигнул нам.

– Мы хотели привезти шоколад, но Мия всё съела перед отлётом.

– Ябеда!

– Лучше быть ябедой, чем обжорой!

– Я тебя сейчас пну по твоей Кюнисбергли, – сказала Мия.

Мама вздохнула:

– Хотя, если хорошенько подумать, без вас было не так уж и плохо... Так, пойдёмте! Лотти поставила печься пирожки по рецепту своей бабушки, и их нужно есть тёплыми, как она сказала.

Хоть мы ещё и не знали, что это были за пирожки, мы поторопились сесть в машину. Нам не хватало еды, которую готовила Лотти. Каждый вечер на ужин мы ели раklet³, и это наскучило. Пока мы были в Швейцарии, Лотти навестила друзей и родственников в Баварии, и каждый раз, когда она оттуда возвращалась, привозила целый чемодан новых рецептов со странными названиями и горела желанием их все перепробовать. На свете не было ничего прекрасней, чем быть дегустатором новых блюд Лотти.

По пути домой мама и Эрнест рассказывали нам, что случилось нового, пока нас не было (вообще-то ничего особенного не произошло, но говорили они довольно-таки долго), и Мия во всех красках рассказала о наших лыжных приключениях. Конечно, она немного преувеличивала: мы висели не полдня на подъёмнике, а всего пятнадцать минут, и за это время ещё не стемнело, и горноспасательная служба не вытаскивала нас лебёдкой, мы совершенно нормально поехали дальше. Ах, да, и собаки-спасатели нас тоже не искали. Но это было, во всяком случае, интересней, чем то, о чём нам рассказывали мама с Эрнестом. И поэтому я не стала прерывать выдумки Мии и включила телефон – поискать эсэмэс от Генри. Но пришло только сообщение от оператора, который уведомил меня, что я снова в Великобритании, и одиннадцать сообщений от Персефоны с жалобами о том, как она скучала по своему (чисто гипотетически) будущему парню Джасперу и проклинала французских школьников. Генри мне ничего не написал.

Хм! Мне уже начинать волноваться?

За прошедшие десять дней мы не очень часто виделись во снах. И в этом в основном была виновата я из-за непривычной смеси свежего горного воздуха, постоянного движения, раклета и всего этого в переизбытке. Я всё время так крепко спала, что на следующее утро не помнила, видела ли я хотя бы свою дверь во сне. Понятно, что Генри мог на это обидеться. С другой

³ *Раклет* – швейцарское национальное блюдо из расплавленного на сковороде жирного сыра со специями (примеч. перев.).

стороны, я тоже несколько раз ждала у его двери, а он не приходил. Но во сне невозможно было заранее договориться: кто мечтает по расписанию?

Генри подарил мне на Рождество японскую кошку-талисман (она ещё машет лапкой). И это было бы совершенно нормально, потому что мне и правда нравились такие штуки, если бы я не потратила уйму времени, собственноручно мастера для него музыкальную шкатулку с мелодией «Спи, моя радость, усни», на крышке которой красовалось моё фото. В форме звёздочки. Наверное, мне не стоило это делать. Потому что эта шкатулка прямо-таки кричала: «Я люблю тебя!», в то время как я не совсем понимала тайный смысл дешёвой фигурки на батарейках из азиатского магазина.

Я пялилась из окна и подумывала, не написать ли мне Генри эсэмэс: «Я уже здесь. Где ты?» Но потом оставила эту идею. Из иллюминаторов самолёта Лондон выглядел как в сувенирном шарике со снегом, в котором деревья, крыши и дома были запорошены блестящей пудрой. Здесь же, внизу, от этого белого волшебного блеска не было и следа. Снежная каша на дороге выглядит совсем не романтично, собственно говоря, она даже не белая. И если бы кто-то в тот момент захотел описать моё настроение, то выражение «снежная каша» подходило как нельзя лучше. Насколько я была счастлива от радостных предвкушений в аэропорту, ровно настолько же я была расстроена, когда выходила из машины после того, как Эрнест наконец припарковал её перед входом в свой, пардон, в *наш* дом. И мне не стало легче, когда дверь нам открыла Эмили, подруга Грейсона. Она была, наверно, последним человеком, которого я сейчас хотела видеть.

– О, вы уже здесь, – сказала Эмили и выглядела при этом так же «счастливо», как и я.

По правде говоря, она была довольно симпатичной брюнеткой с гладкими блестящими волосами и приятным цветом лица, рослая и спортивная, но я ничего не могла с собой поделаться – для меня она выглядела как злобная гувернантка из какого-нибудь старого фильма, например, как мисс Эндрю из «Мэри Поппинс». Или как лошадь. Она выглядела старше своих восемнадцатилетних сверстников, виной чему была не только её строгая скромная одежда, но и всезнающий задумчивый вид, с которым она нас сейчас осматривала.

В какую-то наносекунду я даже хотела попробовать повернуться на каблуке и снова исчезнуть. Но тут по коридору к нам стремительно принеслась Кнопка с развевающимися ушами, а за ней подтянулись Грейсон, Флоранс и Лотти. А ещё кое-кто со светящимися серыми глазами и торчащими во все стороны тёмно-русскими волосами.

От облегчения я чуть было не расплакалась.

Генри.

Он бесцеремонно оттолкнул Эмили в сторону и обнял меня.

– Ты снова здесь, моя сырная девочка, – промурлыкал он мне в ухо. – Я по тебе очень скучал.

Я обвила руками его шею и крепко прижала к себе, потому что это было мне необходимо.

– Ты так приятно пахнешь! – прошептала я.

Это было не совсем то, что я хотела сказать, но первое, что пришло мне в голову.

– Это не я, это те пирожки с невыговариваемым немецким названием, которые испекла Лотти.

Генри не предпринимал никаких попыток отпустить меня. А я и не возражала – я могла вечно его обнимать. Плохо только, что мы были не одни.

– Я всех приглашаю! – позвала Лотти.

Кстати, на ней были те тапочки, которые она связала для Чарльза. В последнюю минуту она решила ему их всё-таки не дарить. Потому что некоторые люди совершенно не ценят подарки, сделанные с душой, как она сказала. Это было мудрое решение, потому что сам Чарльз за день до Рождества вручил Лотти шоколадного Деда Мороза, завёрнутого в фольгу.

Малюсенького Деда Мороза. По сравнению с ним японская кошка-талисман была просто драгоценностью.

– Это маленькая импровизированная вечеринка в честь вашего возвращения, наши лыжные зайки!

Глядя на нас, Лотти просто сияла. Если она ещё и тосковала по Чарльзу, то хорошо это скрывала.

– Мы даже почти разучили приветственную песню. – В голосе Флоранс невозможно было не услышать насмешку. – Но какое вообще слово рифмуется со словом «зайки»?

– «Попрыгайки», – предложил Грейсон.

– Глупости, – сказала Эмили, и я чётко представила себе выражение её лица, хотя и не могла его видеть.

– Нет, «глупости» не рифмуется. А вот «хозяйки» – да. И «лужайки», – сказал Грейсон, а я легкомысленно хихикала, уткнувшись в свитер Генри.

Ах, как же хорошо снова быть дома!

– Ага, «зайку бросила хозяйка...», – закончила Мия. И толкнула меня в плечо: – Эй, зайки, вы перекрыли путь к пирожкам!

Эти немецкие пирожки оказались огромными пышками со сливовым повидлом, с хрустящей корочкой, и в следующие двадцать минут жизнь была просто прекрасна. Сидеть на кухне с самыми любимыми людьми, наслаждаться горячим шоколадом и вкусной выпечкой – в этот момент я не могла себе представить ничего лучше.

Все говорили, перебивая друг друга. Мия (с набитым ртом) сочиняла дальше про наш лыжный отдых. Флоранс рассказывала о вечеринке, которую собираются устроить в феврале на их с Грейсоном восемнадцатилетие, а Лотти – о баварском крем-супе, который она хотела наколдовать для нас завтра.

Я ни на миг не отпустила Генри: мы держались за руки под столом, слушали, смеялись и обменивались многозначительными взглядами, и после второго пирожка я поняла, что сейчас просто лопну от счастья. Может быть, не только от счастья, потому что эти пышечки хоть и казались лёгкими, но в желудке как будто становились вдвое больше. Я почувствовала, что, совершенно того не осознавая, расплылась в сытой счастливой улыбке.

Но на этом и закончились двадцать счастливых минут.

– Я под впечатлением, Лив, как ты ловко справляешься! – сказала Эмили, сидевшая напротив меня. Она съела только половину пышки, орудуя ножом и вилкой, и это означало, что они с Грейсоном не держались за руки под столом. – Я была о тебе другого мнения. Респект!

Что она имела в виду?

– Знаешь, в семье Зильбер кое-что умеют, – осторожно возразила я. – Но думаю, что третью пышку я уже не осилю. Так что ты больше должна гордиться Грейсоном. Если я правильно подсчитала, он уже четвёртую уписывает.

– Пятую, – поправил Грейсон с полным ртом. – И я уже до этого...

Эмили перебила его:

– Я поражаюсь не количеству калорий, которое ты поглощаешь, Лив, а твоей беспечности.

«Беспечность» – это слово недавно употребила Рыся (сожалея, как это мимо неё прошло то обстоятельство, что Эрнест и мама были парой), поэтому я знала, что оно означает: непринуждённость, беззаботность, разгильдяйство. Вот так.

– В каком смысле? – недоверчиво спросила я.

Генри крепко сжал мою руку и предпринял попытку встать:

– Может, пойдём наверх в твою комнату и... м-м... разберём чемодан?

Эмили смотрела на меня, не отводя глаз и даже не моргнув, совершенно не обращая внимания на тот факт, что Грейсон усталился на неё так, будто хотел насадить на вилку.

– Эм! – угрожающе произнёс он.

– А что такого? Я просто сказала, что я поражаюсь ей. – Эмили всё ещё смотрела мне прямо в глаза. – Я не думаю, что кто-нибудь другой мог бы оставаться таким спокойным, если бы его сексуальную жизнь открыто обсуждали. – Она добавила с изящной улыбкой: – Или, точнее, отсутствие сексуальной жизни.

Генри тяжело вздохнул и перестал тащить меня за руку, а Грейсон бросил свою вилку на тарелку с таким звоном, что мама, Лотти, Флоранс и Эрнест, которые были увлечены своим разговором, мгновенно умолкли. На секунду воцарилась тишина.

– Что? – спросила Мия. И я была очень благодарна, что кто-то заговорил вместо меня. – Кто и где обсуждает сексуальную жизнь Лив?

– Сексуальную жизнь? – повторила мама. Она всегда взбадривалась при этих словах.

– Ну почти каждый в Джабсе. – Эмили откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. – Им же больше нечем заняться. И если это тебя утешит, мало кто верит, что ты фригидная.

– Что? – снова спросила Мия.

А мама снова повторила:

– Фригидная?

У меня перехватило дыхание.

Флоранс вздохнула:

– Эм, Лив ещё, наверно, этого даже не видела... – Она сочувственно посмотрела на меня. – Или ты была в интернете во время отдыха?

Я медленно покачала головой. Можно было сказать, беспечно покачала.

– Ах, вот оно что-о-о!.. – Эмили снова позволила себе свою изысканную улыбку. – Я думала, Генри тебе уже давно об этом рассказал.

Нет. Не рассказал. Чем бы *это* ни оказалось.

– У меня пока не было возможности, – сказал Генри. – И вообще, Лив выше всего этого. Это просто idiotские сплетни, которые никого не интересуют.

– Да, точно, Леди Тайна получила всего-навсего двести сорок три комментария под этим постом... – сказала Флоранс.

Мия вскочила и схватила планшет Лотти с буфета. Она была права. Настал момент и мне лишиться своей удивительной беспечности. Я отпустила руку Генри и встала.

– Как я уже сказал, это глупости, которые никого не интересуют, – повторил Генри.

– Скукотища, – согласился Грейсон. – Лотти, а можно мне ещё пышечку?

– Ох, – сказала Мия, неподвижно уставившись в планшет, – это конец!

Я забрала у неё компьютер и пробежала глазами по посту Леди Тайны. Одно язвительное замечание следовало за другим – в общем, как обычно. Бедняга Хейзел Притчард! Леди Тайна всё ещё точила на неё зуб. (Поэтому Хэйзел значилась в листе подозреваемых Мии. Её теория состояла в том, что Леди Тайна была настолько безжалостной, что даже не боялась упоминать саму себя, чтобы только скрыть свою личность.)

О-о, вот, в постскриптуме наконец что-то написано про Генри и меня: *Они уже несколько месяцев вместе, а ещё ни разу не переспали.*

М-да, вообще-то это было правдой. Откуда она это знала? Или просто ткнула пальцем в небо?

Всего лишь обнимались да держались за ручки... М-м... Что тут вообще можно ожидать? Мы-то все знаем, что Генри Гарпер не стал бы себя сдерживать – значит, проблема в Лив».

Что значит: «Мы-то все знаем, что Генри Гарпер не стал бы себя сдерживать»? Я и не думала, что он себя сдерживает. Да и я нет. Зачем торопить события?

Неужели она такая ханжа? А может быть, она просто немного запоздала в развитии, бедняжка...

М-да... Пф-ф! Если бы в этом было дело... Может, я и правда немного тормозила. И что? Я с облегчением приподняла голову и улыбнулась Генри.

– Вы правы. Это правда скучные, глупые сплетни.

Генри улыбнулся в ответ, а Грейсон с довольным бурчанием взял себе ещё пирожок. Изысканная улыбка Эмили немного потускнела, а может, мне показалось – в конце концов, она от природы казалась такой кислой. А Флоранс, мама, Эрнест и Лотти дальше продолжили свой разговор как ни в чём не бывало. Мне стало настолько легко, что я вновь ощутила голод. Может быть, я и съем ещё один маленький пирожочек...

– Рано радуешься, – сказала Мия и ткнула пальцем в экран.

Где-то между комментариями Леди Тайна вставила ещё пару слов:

Не нужно так жестоко обходиться с бедняжкой Лив: роль любимой девочки ещё слишком нова для неё. Ещё недавно она была той ученицей, которую окунули головой в туалете. Бедняжка может вам очень хорошо описать внутренности унитаза в её школе в Беркли...

– Откуда она об этом знает? – тихонько спросила Мия.

– Без понятия.

Моя улыбка испарилась. Мне было всё равно, что Леди Тайна и вся школа обсуждали мою личную жизнь. Они могли делать что хотят, но эта история в Беркли была абсолютным секретом, о котором не знала даже мама. Не считая четырёх девочек, которые окунули меня в унитаз, об этом знали только Мия и Лотти.

И... Генри.

Пока я поворачивала голову, чтобы посмотреть на него, у Генри зазвонил телефон.

Глава пятая

Во сне я бежала по академии и все вокруг смотрели на меня, хихикали и перешёптывались. Мимо меня по лестнице грациозно проскакала Эмили на породистой гнедой лошади и крикнула:

– Не нужно так жестоко обходиться с бедной Лив! Она же ничего не может поделать с тем, что Генри не хочет с ней спать.

К счастью, в этот момент на стене в коридоре я увидела зелёную дверь и поняла, что это всего лишь сон.

– Просто она физически и душевно ещё немного отстаёт в развитии, – сказала Эмили, а я злилась на то, что она могла обидеть меня в моём собственном сне.

Может, это значило, что где-то в глубине подсознания я сама о себе так думала? Этого я не могла себе позволить. Одним движением руки я стёрла лошадь, а Эмили жёстко свалилась на пол.

– Ой! – возмутилась она.

– Лив! Ты с ума сошла? – Флоранс помогла своей подруге подняться на ноги. – Она могла покалечиться.

– Мой сон – мои правила! – сказала я и взялась за дверную ручку. – А что обо мне подумают люди, мне абсолютно по барабану.

Щелчок пальцами – и Эмили, Флоранс и все остальные превратились в мыльные пузыри. Они парили по лестничной клетке, а затем – пак-пак! – тихонько лопались один за другим. Довольная, я прошмыгнула через дверь в коридор.

– Активировать протокол безопасности мистера Ву номер три, – прошептала я.

Когда никто не слышал, мне нравилось разговаривать со своей дверью, как в фильме «Люди Икс».

Странно, но за последнее время она очень изменилась. Если в начале, выкрашенная в насыщенный зелёный цвет, она могла оказаться входной дверью в каком-нибудь уютном домике в Котсуолде, то сейчас справа и слева от неё появились две колонны, подсвеченные сверху. Дверь всё ещё была зелёная, но уже не такая тёмная, ближе к мятному оттенку, и то, как она сейчас выглядела, больше подходило к какому-нибудь викторианскому особняку, чем домику в деревне.

Я связывала эти изменения с теми, что происходили и во мне самой. То же самое наблюдалось и с остальными дверями в этом лабиринте. У одних менялся только цвет, у других отслаивался лак, а третьи вообще изменяли форму и размер. Я предполагала, что это могло зависеть от состояния души хозяина двери. Было трудно удержать всё в поле зрения, потому что двери ещё и менялись друг с другом местами.

Но ручка моей двери неизменно оставалась в форме ящерицы, и та подмигнула мне, когда я мягко притянула её, чтобы закрыть. Как раз вовремя – я успела заметить, как растрёпанная шевелюра Генри показалась из-за угла. Сначала я хотела позвать его по имени, но решила, что не нужно этого делать, – кто знает, как громко эхо пронеслось бы по коридору и кого оно могло бы привлечь? Кроме того, куда это Генри собирался? Его дверь была прямо напротив моей, и вообще, мы договорились встретиться. Прямо здесь. И по моим подсчётам, прямо сейчас.

Я решила сама проследить за ним, потому что у меня были планы и получше, чем просто стоять здесь и ждать его. Например, поговорить с ним, в конце концов. И по-хорошему поговорить, а не просто пообниматься.

Я совсем бесшумно, так как была босиком, пошла за ним. После обеда мы так и не успели выяснить, откуда Леди Тайна узнала о той истории в школьном туалете в Беркли. У Генри

завонил телефон, и ему срочно нужно было уходить, чтобы забрать своего младшего брата, как он сказал, от одного друга.

– А твоя мама не может это сделать? – спросила Эмили.

И я была очень довольна, что не мне пришлось задать этот вопрос, потому что я бы, наверное, не пережила тот презрительный, холодный взгляд, которым он одарил Эмили.

Эмили, во всяком случае, это совсем не тронуло. Когда Генри ушёл, она обратилась к Грейсону:

– Я думала, миссис Гарпер держит этот вопрос под контролем?

– Эм! – резко ответил Грейсон, бросив на меня довольно странный взгляд.

– Что такое? – Эмили недоумённо покачала головой, а Грейсон схватил её за локоть и притянул к себе.

Этот вопрос? Какой вопрос?

И тут мне стало ясно, что настало время поговорить с Генри. Но беда состояла в том, что я мало знала о своём парне. А точнее, он мало мне доверял. Но ещё больше – даже больше, чем я могла признать, – меня заботило то, что Эмили была информирована лучше, чем я. Я уже несколько раз думала о том, чтобы надавить на Генри и как следует расспросить обо всём, что меня волновало в последнее время, но потом решила этого не делать. В фильмах и романах героиня обычно хочет всё знать, и, как правило, это помешанная на контроле дурочка, которая вскоре превращается в бывшую девушку. В зависимости от жанра в середине сюжета она становится жертвой преступления, и все тайно этому радуются. Была ли я такой назойливой дурочкой или нет, не знаю, но сейчас настало время всё выяснить.

Коридор, в котором я заметила Генри, казался пустым, но я слышала шаги где-то за вычурной красной дверью и поэтому побежала быстрее. Сейчас я его догоню.

«Поговорить, а не обниматься», – проговорила я ещё раз в уме. Немного повторения для самовнушения не помешает.

– А-а-а-а! – Я столкнулась с кем-то, выскочившим из-за угла мне навстречу. Сначала я подумала, что это Генри.

– О господи, Лив! – выпалил кто-то, кто, похоже, был также испуган, как и я.

Это был не Генри. Это был Артур Гамильтон. Тот самый Артур Гамильтон, которому прошлой осенью я сломала челюсть и чья чокнутая подружка хотела перерезать мне сонную артерию. Тот самый Артур, которого после того кошмара на кладбище я видела только на территории школы, и то издали. Если мы случайно сталкивались где-то, то смотрели друг на друга как два враждующих генерала на нейтральной территории, демонстрируя силу и непримиримость.

Сейчас я тоже решила встать на расстоянии вытянутой руки – для безопасности. Я не успела сделать вид бесстрашного генерала, потому что была напугана и пялилась на него, как маленький оленёнок Бэмби.

Артур быстрее смог преодолеть свой страх, теперь он улыбался.

Он всё ещё был самым красивым парнем во вселенной: правильные черты лица, большие голубые глаза, фарфоровая кожа и золотые ангельские кудряшки, но что-то в его облике изменилось. Нет, не внешне – от перелома челюсти не осталось даже шрама, хотя челюсть на несколько недель зафиксировали специальными скобами. Нет, это была какая-то невидимая рана. Казалось, те события испускали тайные лучи – они окружали его и пронизывали насквозь его ауру победителя. Да и его улыбка лишилась своего гипнотического действия.

– Классный прикид, Лив Зильбер!

Мне не нужно было смотреть на себя, чтобы вспомнить, что на мне надето (в общем-то, в чём я сейчас спала): мешковатые штаны от пижамы и старая футболка Грейсона, которую я спасла от путешествия в секонд-хенд, потому что мне нравилась нарисованная на ней панда в розовой пачке. А ниже было написано: «Толстовата для балета».

Чёрт! Что я здесь делаю в пижаме? Лучше бы я превратилась в ягуара. Может быть, тогда Артур проявил бы ко мне больше уважения.

– Спасибо, – сказала я, стараясь выглядеть достойно. – Ты не видел Генри? Он должен быть где-то здесь.

– Почему-то я совсем не удивлён, что ты всё ещё шатаешься по снам. – Артур тихо засмеялся. – Было понятно, что ты не бросишь это дело. Ну и чём ты тут занимаешься? Пробираешься в сны своих учителей, чтобы получать хорошие оценки?

Вообще-то неплохая идея.

– Знаешь, шпионить за другими людьми – это не по мне.

Ну так и быть, вообще-то я могла. Даже в пижаме.

– А ты что делаешь здесь? Пришёл проведать старого доброго демона? Как там его звали? Что-то на «Л»... И с финского это означало что-то вроде *больше воды в банную печь*. Лелула? Лилалу? Лулели?

Вообще я это знала, потому что в то время Лотти в Утрехте дружила с симпатичным финном, который нас научил заведомо ненужным фразам. Матти. Что, интересно, с ним стало? Он был намного лучше этого Чарльза, дантиста с дурацкой шапкой.

– Да, было действительно забавно – это называлось «поддать парку». – Артур прекратил смеяться.

– Ах да, – не торопясь сказала я. – Этого демона вообще не существует: Анабель выдумала его на пустом месте.

– Анабель... – повторил Артур, и прозвучало это так, будто её имя доставляло ему физическую боль. – Анабель больна.

– Это всем известно, – ответила я, стараясь говорить невозмутимо.

Должна ли я проявить сочувствие к Анабель? Учитывая, что она заманила меня в ловушку и ударила чугуном подсвечником по голове, а потом связала, чтобы спокойно перерезать мне сонную артерию. К несчастью, после всего этого я ей *действительно* сочувствовала. Как мы потом узнали, Анабель провела первые годы своей жизни в какой-то непонятной секте, связанной с культом демонов, вместе со своей мамой, которая покончила жизнь самоубийством в психиатрической клинике. Кто после этого удивится, что она больна?

Артур внимательно смотрел на меня, как будто мог читать мои мысли. Я откашлялась и примерила на себя ещё более хмурый взгляд. Не хватало ещё, чтобы он подумал, что я с пониманием отношусь к его бывшей. Или к нему. Потому что он любил Анабель, а из-за любви можно пойти на самые безумные поступки. Его подруга лежала в психлечебнице, его друзья с ним не разговаривали, и он больше не был капитаном баскетбольной команды. Бедный Ар... Стоп! Почему это *бедный*? Не хватало ещё сейчас устыдиться за его сломанную челюсть!

– Да, она много чего наделала, но... – Артур ненадолго замаялся, и во мне поднялась новая волна сочувствия к нему. – Но ту книгу она не сама написала.

Под *книгой* он подразумевал тот потрёпанный черновик, откуда Анабель взяла свои заклинания для изгнания демонов. Книга сгорела в ту же ночь, когда Артур и Анабель заманили меня в фамильный склеп Гамильтонов, чтобы с помощью моей крови освободить воображаемого Анабель демона из царства мёртвых.

Так или не так, но, если бы Генри и Грейсон не подросли вовремя, я бы умерла от ножа Анабель. И поэтому сейчас сочувствию не было места.

– Да, ту книгу написал кто-то, кто так же точно болен, – уверенно сказала я.

– Возможно... – признал Артур и на пару секунд замолчал. А потом так развёл руками, что, наверное, мог бы обхватить весь коридор, и выглядело это одновременно беспомощно и надменно. – Ну и как же ты всё это объясняешь?

Этот вопрос я сама себе несколько раз задавала. В ответ я выразительно пожала плечами:

– Н-да... Как я могу быть в Лондоне и разговаривать со своей бабушкой из Бостона? Почему открывается дверь в гараж, когда я за километр нажимаю кнопку? Как люди могут встречаться во снах? Это всё, честно говоря, для меня необъяснимые вещи. Но даже если я не понимаю, как это всё происходит, это не значит, что это результат деятельности демонов. Для всего есть научное объяснение.

Артур снова задумчиво улыбнулся:

– Да что ты говоришь? Придумывай что хочешь, если тебе от этого легче, Лив Зильбер. Передавай от меня привет Генри!

– Спасибо. А ты передай привет своему демону Лилалану, когда увидишь его, – ответила я и снова приняла враждебный генеральский вид... – Мне надо идти. Увидимся, к сожалению.

Артур кивнул:

– Да, этого не избежать. – И добавил совсем тихо: – Но будь осторожна, Лив, мы в этих коридорах не одни.

Я устояла перед соблазном обернуться ещё раз и сказать, что свою поддельную заботу и скрытые угрозы он может засунуть куда подальше, и зашагала, зная, что он смотрит мне вслед – скорей всего, на мою пятую точку. На секунду ради эффектного ухода мне вдруг всё-таки захотелось превратиться в ягуара, но риск обернуться обыкновенной кошкой был слишком велик.

Но где же Генри? Он всегда исчезал тогда, когда был просто необходим.

Глава шестая

Чтобы не опозориться перед Артуром, я не стала возвращаться, а пошла дальше, устремившись вниз по коридору. Я свернула за угол и исчезла из его поля зрения – на случай, если он всё ещё смотрел мне вслед. Потом для уверенности ещё раз свернула. Когда в конце концов я остановилась и украдкой осмотрелась, я не узнала ни одной двери. Где я, чёрт побери? Ещё никогда я не уходила так далеко от своего коридора. Наверное, надо было рисовать мелом крестики на стенах, чтобы найти обратный путь.

По коже побежали мурашки, но я заставила себя ещё немножко подождать, потом развернулась на пятке и через три минуты уже оглядывала из-за угла коридор, в котором встретила Артура. Его и след простыл. Да и Генри не было видно.

Я вспомнила, о чём предостерегал меня Артур, – о том, что я здесь не одна. А вот совсем наоборот – я была одна-одинёшенька.

Я поторопилась назад. Я ожидала, что коридоры в этом чёртовом лабиринте поменяют направление, но, к счастью, они остались на своих местах. Поэтому я довольно скоро вернулась в коридор, где находилась моя дверь, и облегчённо вздохнула.

Генри всё ещё не было. И что теперь? Подождать его или наплевать на наш уговор, чтобы хоть немножко поспать? Ну уж нет, я решила с ним поговорить и не намерена ждать следующей ночи.

Метрах в десяти от своей двери я обрела уверенность и решила снова попробовать превратиться в ягуара. Никогда не знаешь, когда тебе пригодятся твои тренировки. К сожалению, я не смогла как следует сконцентрироваться, поэтому всё снова пошло наперекосяк. Благодаря своим штанам я получила ягуаровую раскраску. И хвост. Упс! Я тихонько покрутила пятой точкой и хихикнула. Оказывается, совсем неплохо иметь такой хвост. Всё равно нужно поскорей избавиться от него. Но сделать это я не успела: кто-то положил руку мне на плечо.

– Это ты для меня так принарядилась?

Генри. Как раз вовремя.

Я ненавидела, когда он подкрадывался сзади. И ненавидела себя за то, что этого не услышала. Кто знает, как долго он за мной наблюдал, пока я как дурочка трясла своим хвостом.

Он притянул меня к себе, и у меня почти подкосились колени от того, как приятно это было. Так по-настоящему и так доверительно, как будто и не было никаких проблем.

– Где ты был? – Я попробовала немного оттолкнуть его, но моя попытка не увенчалась успехом. – Я только что встретила Артура. *Одна.*

Надеюсь, последнее слово мне удалось произнести довольно укоризненно.

Генри покрывал поцелуями мои волосы. Это было тоже очень приятно. К моему сожалению. А он между тем промурлыкал:

– Как хорошо, что моя умная, красивая девушка на всякий случай владеет кунг-фу! Одним только хвостом гепарда ты внушаешь панический страх. Ну и что же сказал Артур?

– Ягуара, – исправила я. – Это должен был быть ягуар. Артур почти ничего не сказал, только сделал парочку непонятных замечаний. И конечно, не оценил моих шуток. Знаешь, что значит «лэйлия» в переводе с финского?

Генри засмеялся и обхватил ладонями моё лицо.

– Возможно, «поцелуй меня»? – выкрикнул он, и глаза его заблестели.

– Нет! – Я отстранилась от него.

Говорить, а не ласкаться – такой была моя новая мантра. Сейчас она, правда, казалась мне ужасно дурацкой. Она ничуть не помогала мне найти ответы на все те вопросы, что роились у меня в голове.

Куда ты направлялся? – например. Или: почему мы ни разу не встречались у тебя дома? Когда ты говоришь, что любишь меня, ты действительно так думаешь? И чем тогда ты так опечален? Каким образом Грейсон и Эмили узнали о твоей маме и её проблемах? И что это за кошка-болванчик, наконец?

Ни один из этих вопросов я не озвучила.

– Откуда Леди Тайна узнала о том происшествии в туалете в Беркли?

Он пожал плечами:

– Лив, ну в самом деле, тебе должно быть совершенно наплевать на то, что о тебе пишет эта глупая метёлка.

– Так-то оно так, если бы только она не писала о вещах, о которых она не могла узнать никоим образом. Разве что... – Я запнулась.

– Разве что... что?

– Разве что ей об этом кто-то рассказал.

– Ну да, – сказал Генри и снова пожал плечами.

– Только вот я рассказывала об этом *только тебе*, Генри, – заметила я. Эти слова прозвучали намного серьёзнее, чем мне бы хотелось. Даже чуточку драматично. – Так что... – Я прикусила нижнюю губу.

Несколько секунд у Генри был совершенно растерянный вид. Затем глаза его расширились.

– То есть ты хочешь сказать, что мы с Леди Тайной заодно?

Я молчала и лишь красноречиво покусывала нижнюю губу.

Глаза Генри стали ещё больше.

– Или, возможно, ты подозреваешь, что... я и есть Леди Тайна собственной персоной? – Он попытался сдержаться, но всё же сдавленно рассмеялся.

Смех, к сожалению, оказался страшно заразительным. Я почувствовала, как уголки моих губ невольно поднимаются.

Генри подался вперёд, чтобы меня поцеловать.

– Ах, какая же ты милая, Лив... Я так тебя люблю! Так тебя люблю!

Затем минут десять мы просто стояли молча, и моя глупая мантра оказалась далеко-далеко, в нирване. Или где они там обитают, эти мантры.

Это продолжалось до тех самых пор, пока мы не... услышали смех. Такой смех часто бывает в фильмах ужасов – раскатистый, глубокий, с немалой долей безумия. Смех прокатился по коридору настолько картинно, что я даже не подумала испугаться и, освободившись из объятий Генри, лишь огляделась по сторонам. Если Артур решил таким образом запугать нас и дать нам понять, что мы здесь не одни, то это была уж очень жалкая попытка с его стороны.

Вдруг в глубине коридора мы различили очертания фигуры, которая, казалось, росла с каждой секундой прямо на наших глазах.

– Это ещё что такое? – спросил Генри.

Я тоже не имела ни малейшего понятия. В голове промелькнула была мысль о демоне, но я тут же её отбросила. Не будет же демон, в самом деле, разгуливать в плаще и фетровой шляпе, выставляя себя на посмешище, ведь правда?

Фигура в фетровой шляпе, судя по силуэту и тембру голоса, принадлежала мужчине. Он снова засмеялся, на этот раз ещё оглушительнее. Отзвуки смеха эхом разнеслись по всему коридору.

Потом он помахал рукой и направился прямо к нам.

Меня просто разрывало на части. С одной стороны, мне страшно хотелось узнать, кто этот тип и что ему нужно. В сущности, это всего лишь сон, да и Генри стоял совсем рядом. Ну что такого страшного может произойти? Но с другой стороны, внутренний голос шептал мне, что нужно убираться отсюда, и поскорее.

Когда незнакомца от нас отделяло всего несколько дверей, он вдруг заговорил:

– Кто вы такие? Как вы осмелились блуждать по ночным владениям сенатора Смертельного Северного Мрака?

Тут уж я решила последовать советам своего внутреннего голоса. «Смертельный Северный Мрак» – это звучало не очень-то обнадеживающе.

– Сенатор Северный Мрак? – повторил Генри, а я схватила его за руку и потащила вперёд – до наших дверей оставалось совсем чуть-чуть. – Он что, правда сказал *Северный Мрак*? – спросил Генри, оглядываясь. – С каких это пор у мрака и смерти появились направления?

– Может, выяснишь этот вопрос как-нибудь в другой раз, а? – крикнула я.

– Пойдите же! Слышите ли вы его? – К сожалению, сенатор Мрак решил пуститься за нами в погоню, при этом он выкрикивал какие-то бессвязные бредни: – Слышите ли вы рондо? Генри этот вопрос почему-то показался удивительно интересным.

– Рондо?

Мне приходилось тащить его за собой силой.

– Что бы это значило?

Ну это уж слишком! Именно сейчас ему приспичило попререкаться с этим типом! Разве он не в курсе, что лучший способ общения с сумасшедшими – это совершенное невнимание к их персоне? Я ни капельки не удивлюсь, если этот парень сейчас выудит из-под полы плаща, например, пилу.

Он снова рассмеялся как сумасшедший. И на этот раз мне всё же стало страшно.

– Только не останавливайся, – шепнула я Генри, который снова замедлил шаг.

Сюда! Перед нами была дверь Грейсона. Она выглядела точно так же, как и всегда, – та же белая, покрытая лаком дверь, точная копия входа в наш новый дом, с цветами и каменной фигурой по имени Страшила Фредди.

Скорее в укрытие!

– Да поразит вас укол смерти! – крикнул сенатор Мрак.

Или, по крайней мере, так мне показалось. Во всяком случае, я не намерена ждать, что произойдёт дальше. Я очень надеялась, что Грейсон не поменял защиту своей двери, а не то нам грозило попасть в лапы этого сенатора. Я наклонилась к Фредди и прошипела ему на ухо:

– «Иддерф», «Иддерф», «Иддерф»! – На самом деле, определить, где у каменной скульптуры находились уши, было не такой уж простой задачей, но сейчас я решила на этом не заикливаться. – И поскорее! За нами погоня!

– Проход открыт! – пискнул Фредди немного обиженным тоном.

А я распахнула дверь, протолкнула в неё Генри и захлопнула за спиной прежде, чем этот тип в фетровой шляпе успел бы нас сграбастать.

– Успели в последнюю секунду! – выпалила я, задыхаясь.

Генри не ответил. Моя рука скользнула в пустоту.

– Генри! Это вовсе не смешно! – Я озадаченно огляделась по сторонам, но Генри рядом не было.

Глава седьмая

– Объясните выработку АДС в клетках организма человека и поддержание равновесия с уже содержащимся в них АДС.

Сперва я решила, что этот несущий вздор Монстр Ада всё-таки тоже прошмыгнул в сон Грейсона, но вопрос был задан мистером Брайтуотером, учителем биологии. Мы оказались в учебном кабинете «Академии Джабс», где бледный Грейсон сидел напротив четырёх учителей. Очевидно, это был экзамен.

– Вы имели в виду выработку АТФ? – спросил Грейсон и бросил на меня раздражённый взгляд.

– АДС, – поправил его мистер Брайтуотер. И Грейсон ещё больше побледнел.

У стены стояли стулья для слушателей, поэтому я прокралась на цыпочках и села рядом с Эмили, пытаясь задрапировать свой пятнистый хвост.

Я не знала, переживать мне за Генри или обижаться на него, но второе значительно перевешивало. Может быть, он просто обернулся ветром. Кстати, это он тоже умеет. Или, может, он просто проснулся. Так или иначе, оставить меня одну – это было слишком. Тем более, как мне кажется, этого странного типа в широкополой шляпе действительно нужно было принимать всерьёз.

– Как дела у Грейсона? – шёпотом поинтересовалась я у Эмили.

Она поднесла палец к губам:

– Тсс! Люди сюда учиться пришли!

Мой хвост дёрнулся от раздражения. Даже во сне Грейсона Эмили оставалась ужасной занудой.

– АТФ происходит из... – начал было Грейсон, но мистер Брайтуотер тут же его перебил:

– Не АТФ – АДС! Грейсон, не пытайтесь уйти от темы!

– Но... это же называется АТФ. Аденозинтрифосфат. Я всё выучил об АТФ и АТФ-фазе. Может быть, я вкратце расскажу вам?... – сказал Грейсон неуверенно.

– Молодой человек, это очень похвально, но сегодня мы вас спрашиваем об АДС, – объяснил экзаменатор, сидевший рядом с мистером Брайтуотером. – Так что, пожалуйста, отвечайте, наше время ограничено.

– АДС... АДС... А-а-а-а-д-э-э-э-э-э-э-с-с-с-с... – Грейсон провёл рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

Бедняга! Ему всё время снятся какие-то ужасные сны. Я очень хотела вмешаться, но тогда бы он, наверно, заметил, что это всего лишь сон и – что ещё хуже – что я без разрешения пробралась в него. Нет уж, лучше я буду вести себя незаметно и выскользну, как только снаружи будет всё чисто.

– Боюсь, что с АДС я не знаком... – наконец вымолвил Грейсон.

Эмили рядом со мной вздохнула.

– Как обычно, – сказала она довольно громко.

Грейсон быстро обернулся. Он выглядел таким несчастным, что моё сердце сжалось от сочувствия. Я улыбнулась, чтобы подбодрить его. К сожалению, я не знала ни что такое АТФ, ни что такое АДС, иначе я бы, может быть, ему и помогла.

– Значит, АДС вам не знакомо? – повторил мистер Брайтуотер и обменялся обеспокоенными взглядами со своими коллегами. – Ну, можете спокойно подумать. Что это может означать?

Старый глупый Брайтуотер... Полная неразбериха! Дурацкий экзамен...

Грейсон вздохнул:

– Я правда этого не знаю. – И растерянно добавил: – Что же это значит?

– О господи! – Пухлая учительница слева от мистера Брайтуотера сочувственно покачала головой. – АДС – антидиетическое сало. Кто же этого не знает!

– Антидиетическое сало? – Грейсон недоверчиво уставился на них. – Как антидиетическое сало вырабатывается в клетках человека? И как это вообще связано с биологией?

Вообще-то он был прав. Это действительно глупейший сон. Антидиетическое сало... Ничего получше подсознание Грейсона не могло придумать?

– Посмотрите, ему даже не стыдно! – Пухленькая учительница прищёлкнула языком и обратилась к своим коллегам: – Итак, что касается меня, я не готова больше тратить время на этот экзамен. Моё решение – мы не можем дать ни одного балла.

– К сожалению, я полностью согласен, – сказал мистер Брайтуотер озабоченно. – Извините, Грейсон. Вы провалили экзамен.

Грейсон выглядел так, будто сейчас расплачется.

– Но... но... – подавленно шептал он.

– Я тебе сразу говорила, что нужно больше учить, – строго сказала Эмили с ноткой самодовольства в голосе. – Меньше вечеринок и баскетбола, больше думать о будущем!

Только я хотела возразить, как вдруг нас окутала крошечная тьма. Пол под ногами наклонился, и я провалилась в зияющую пропасть.

Грейсон проснулся, и я тоже – с оглушительным сердцебиением.

Я, кряхтя, поднялась – терпеть не могу, когда такое происходит. Это ужасающее чувство – проваливаться в никуда, как будто у тебя заканчивается кислород и ты мучительно задыхаешься, падая в бездну. Честно говоря, я была уверена, что смерть выглядит именно так.

Мой будильник со светящимися цифрами показывал десять минут пятого. Воскресенье, шестое января. Последний день каникул. Но бездельничать весь день нельзя, потому что на вечер назначено знаменитое крещенское чаепитие у миссис Рыси Спенсер, а я ещё не знала, что надеть, так как у меня не было времени порыться в шкафу у мамы или Лотти и найти подходящий наряд. Но у меня ещё оставалось достаточно времени, чтобы выспаться, а сейчас это намного важнее, чем вопрос о нарядах. Только сначала мне нужно сходить в туалет. Я вздохнула, вывалилась из кровати и потопала к двери.

Светила почти полная луна, и здесь, на втором этаже, было светло, хотя я в этом доме уже легко могла дойти до ванной с закрытыми глазами, даже не наступив на скрипучую половицу в прихожей, которую Эрнест уже давным-давно хотел отремонтировать. Когда кто-нибудь её тревожил, она издавала весьма неприличный звук. «Как тётя Гертруда, когда поест горохового супа», – говорила Мия, время от времени специально наступая на неё. Сейчас я грациозно обогнула эту доску: я не хотела никого будить. Но как только я потянулась к ручке двери, то услышала шум воды в ванной.

Я уже бросилась было бежать, но потом остановилась, потому что поняла, что находилась в реальном мире и опасность встретить Монстра Ада миновала. Да к тому же Монстр Ада никогда бы не стал так основательно мыть руки. Я нетерпеливо переступала босыми ногами, пока дверь в ванную наконец-то не открылась и оттуда шаркающей походкой не вышел Грейсон, как обычно (независимо от того, какая снаружи была температура) в одних штанах от пижамы и с голым торсом. Но кто я была такая, чтобы жаловаться? Более того, в это время суток на мне не было ни контактных линз, ни очков, поэтому я всё равно мало что видела.

– Тоже не спится? – спросила я дружелюбно, а Грейсон тихонько вскрикнул от испуга.

Очевидно, он толком не проснулся и вообще меня не заметил. Но сейчас старался разглядеть меня, шуря глаза.

– Лив! Ты что меня так пугаешь?

– Извини.

– Ты мне только что приснилась.

– Как мило с твоей стороны.

Он вздохнул:

– Нет, это был не очень приятный сон. Скорее, наоборот, он был ужасен. Я провалил устный экзамен по биологии ко всем чертям! Когда они мне сказали, что я не справился, я сразу проснулся от испуга. Сердце до сих пор стучит как бешеное.

Всё потому, что ты не знал, что такое антидиетическое сало, дорогой! Я сегодня во сне встретила с Артуром и Монстром Ада, и кто из нас ещё должен жаловаться?

– А ты?

– Что я?

– Почему ты не спишь?

– А-а... полнолуние, – ответила я. – И мне тоже нужно туда.

– Эй, это же моя старая футболка. – Похоже, глаза Грейсона уже привыкли к лунному свету. – Во сне ты была в ней же.

Ой-ой! – Опасная территория. Я на секунду замерла.

– Хотя в моём сне у тебя ещё был хвост, – задумчиво продолжил Грейсон.

– *Хвост?* – повторила я, стараясь придать голосу такие же неодобрительные нотки, как это обычно делала Эмили.

Я могла поклясться, что Грейсон покраснел. Хотя в сумеречном свете ничего особенно видно не было.

– Хвост леопарда, – сказал он.

Да нет же, чёрт побери! Не леопарда, а ягуара!

– Как странно! – Я покачала головой. – Что бы об этом сказал дядюшка Фрейд? Опять что-то почудилось?

Грейсон ничего не ответил. Но потом тихонько спросил:

– Вы же этого больше не делаете, Лив?

Я кашлянула:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, эти сны, двери в сны... Вы же не ходите больше по этим коридорам, ты и Генри? Это же всё позади, да? – Его голос звучал так серьёзно и озабоченно, что солгать ему было невозможно.

Я правда не знаю, что бы я ему ответила, если бы в этот момент не раздался звук «тётя-Гертруда-поела-горохового-супа». Кто-то наступил на скрипучую половицу. Это была Мия – хорошенькая и опрятная в своей ночной рубашке с рюшами, которую тётя Гертруда подарила мне три года назад на Рождество. Я её ни разу не надела, а Мии она нравилась, потому что она чувствовала себя в ней как ученица школы-интерната из какого-нибудь приключенческого романа викторианской эпохи, и Лотти она тоже нравилась, потому что Мия в ней выглядела как ангелочек. Лотти всегда самоотверженно разглаживала каждую складочку, каждую рюшечку.

– Чур, я первая, – сказала я, когда Мия подошла ближе.

Она ничего не возразила, а просто прошла мимо нас на лестницу, пристально глядя вперёд.

– Эй! – сказала я уже громче.

Ноль реакции.

Куда она собралась? В туалет на первом этаже? Или хотела тайком заполучить оставшиеся пышечки, которые Грейсон должен был зарезервировать для себя?

– Мия?

Всё-таки с ней что-то не так.

– Она ходит во сне, – прошептал Грейсон. – Такое случается в полнолуние.

Да, он был прав: она бродила во сне. Со мной тоже такое бывало в детстве. Мия начала спускаться по лестнице, немного пошатываясь, но довольно уверенно. Грейсон и я следили за ней.

– Может, разбудить её? – прошептала я.

– Лучше не надо. Ещё упадёт на лестнице.

У подножия лестницы она остановилась и уставилась в пустоту. А потом целенаправленно зашагала к входной двери.

– Сейчас, наверное, лучше её разбудить, – сказал Грейсон.

Мия уже нажимала на ручку двери.

Я положила руку ей на плечо.

– Мия, милая, на улице минус восемь, наверное, не стоит сейчас гулять босиком.

Она смотрела сквозь меня.

– Жутковато, – заметила я.

Грейсон пощёлкал пальцами прямо пред носом Мии, но она даже не моргнула.

В её странном пустом взгляде ничего не изменилось, но, по крайней мере, она позволила нам отвести её наверх. Мы взяли её под руки – я справа, а Грейсон слева, – и повели маленькую викторианскую школьницу обратно в её комнату.

Когда мы уложили Мию в кровать и я поправила ей одеяло, она наконец-то закрыла широко раскрытые глаза и пробормотала:

– Я узнаю вас, мистер Холмс. Вы раскроете это дело.

– Можете быть в этом уверены, Ватсон, – прошептала я и положила голову на её подушку.

На минутку.

– Я пойду вниз, закрою входную дверь. – Грейсон зевнул. – Вдруг она снова куда-нибудь соберётся.

– Спасибо.

Что-то заставило меня забраться под одеяло к Мии. Просто я слишком устала, чтобы идти к себе. Даже сходить в туалет сил не осталось.

– Грейсон, ты очень милый.

– Не толкайся, Шерлок, – промямлила Мия.

А Грейсон сказал:

– Ты тоже очень милая.

Хотя, может быть, это мне уже приснилось.

Глава восьмая

Конечно, Лотти не была приглашена на традиционное крещенское чаепитие у миссис Спенсер, и это было даже хорошо, потому что Рыся решила свести Чарльза (получившего приз за самый лучший рождественский подарок) с только что разведённой внучкой своей подруги, а Лотти могла помешать этой затее.

Но началось всё совсем неплохо. Одетые строго соответственно случаю, мы вовремя позвонили в дверь миссис Спенсер.

Я выпалась и поэтому была во всеоружии, чтобы противостоять Рысе. Мама разбудила меня только к полудню, когда позвонил Генри и сказал, что он не был убит во сне Монстром Ада. На самом деле его разбудила его младшая сестра Эми как раз в тот момент, когда я смогла попасть в сон Грейсона. И больше он не заснул, потому что Эми вырвало прямо на коврик перед кроватью Генри. Сейчас Эми было уже лучше, зато Генри плохо себя чувствовал.

Мы всё равно договорились встретиться ночью. Плюсом наших снов было то, что в них можно встречаться, даже если ты болеешь и лежишь в кровати, а лучше всего то, что во сне невозможно заразиться даже при страстных поцелуях. Но до этого нам нужно было ещё кое-что обсудить, ведь прошлой ночью мы не успели.

А самое первое, что я должна была сделать, – это пережить чаепитие.

Дом Рыси был гораздо ближе, чем мне казалось, – в конце одной спокойной улицы выше парка Голдерз-Хилл. Это был исключительно красивый старый дом, с крышей, покрытой красной черепицей, как и все в этом районе, а окна и двери были выкрашены в белый цвет. Хотя дом не был огромным, его стиль отличался величием, и мне казалось, что он слишком велик для одинокой пожилой женщины. Впрочем, у неё, наверное, была домработница. Или даже две. И дворецкий. Ну как минимум садовник у неё точно был. Перед домом росло несчётное количество кустарников и тисов, очищенных от снега и так аккуратно подстриженных в форме шаров и колонн, как будто ещё сегодня утром кто-то поработал над ними маникюрными ножницами. Внутри сада был настоящий птичий двор: в середине возвышался то ли гигантский жирный аист, то ли павлин, и, хотя он был всего лишь вырезан из кустарника, мне казалось, что он с насмешкой смотрит на меня.

– Садовнику здесь хватает работы, – сказала мама.

– Да. – Эрнест как-то измученно улыбался. – Они здесь часто меняются: трудно соответствовать высоким требованиям мамы. – Он указал на аиста-павлина. – Господина Исполина никто не смеет трогать, кроме неё.

Ох уж эти англичане! Они дают имена растениям!

– И правда, искусно вырезанный... коршун, – сказала мама.

На секунду улыбка Эрнеста стала искренней.

– Это – павлин, – сказал он и поцеловал маму в щёчку. – Видишь, вот хвост.

– Ой! Да, конечно. Если хвост – тоже часть его, это однозначно павлин.

Мама нервно поправила волосы. Было понятно, что она ужасно боялась миссис Спенсер и её подружек, но не признавалась в этом, наоборот, она вела себя так, как будто получала огромное удовольствие. Я и Мия тоже немного боялись, но только потому, что Грейсон перед выходом спросил нас, знаем ли мы наизусть национальный гимн. Это была старая крещенская традиция *бабули*: все должны поприветствовать портрет королевы и спеть национальный гимн, прижав руку к сердцу.

– Не волнуйтесь, обычно этот ритуал происходит в самом конце, когда все уже употребят достаточное количество апельсинового пунша, – добавил Грейсон, но это нас вовсе не успокоило.

Если бы я узнала об этом раньше, я хотя бы посмотрела слова гимна в интернете. Сейчас в спешке мне пришла в голову только первая строчка гимна Нидерландов: «Я, Вильгельм ван Нассау, голландских, принц, кровей...», но этим я могла отличаться только в том случае, если бы Рыся пригласила к себе голландца.

Я потратила целый час на поиски наряда, который стоил бы Лотти, и ещё час, чтобы отбиться от её нападков на мои волосы, – безуспешно. В конце концов я сдалась и позволила Лотти уложить волосы в замысловатую фигуру. Хотя она и говорила, что Скарлетт Йоханссон была с точно такой же причёской на вручении Оскара, мне казалось, что всё это выглядит как корзина с фруктами, только без фруктов. Ничего удивительного, что павлин смотрел на меня с усмешкой.

– «О, скажи, видишь ты в первых солнца лучах, что средь битвы мы чли на вечерней зарнице...» – пела Мия рядом со мной. – Это не тот, да?

– Нет. Откуда ты вообще это знаешь?

Мия ухмыльнулась:

– Я представляю себя сейчас словно в романе «Гордость и предубеждение»! Первый визит к леди Кэтрин де Бург... де Рыся, – прошептала она.

Несмотря на свою ночную прогулку, она была бодрая и румяная – эффект девочки с альпийских лугов всё ещё держался. Её светлые волосы струились по плечам, Лотти всего лишь зачесала назад её чёлку и заколола в виде маленькой короны. Я бы очень хотела с ней помянаться. А ещё лучше с Флоранс. Её каштановые волосы были распущены поверх платья мятного цвета, что наверняка показалось бы Рысе и её подругам «абсолютно восхитительным», и они были правы.

Миссис Спенсер тяжело вздохнула, открывая нам дверь.

– Ой, вы все пришли... – сказала она, не до конца скрыв разочарование. – Хорошо, что хотя бы эту невоспитанную дворняжку дома оставили.

– Кнопка никакая не... – начала Мия.

Но мама тут же ткнула её локтем, и Мия замолчала.

– Конечно, крещенское чаепитие никто не хотел пропустить, – сказала мама. – Мы очень рады быть здесь.

Точно. Сейчас расплачемся от счастья.

Интерьер дома абсолютно соответствовал его фасаду: изысканный антиквариат, рождественски украшенная каминная полка, небольшое фортепиано (в самом деле, как в «Гордости и предубеждении»!) и впечатляюще накрытый стол, уставленный пирожными, английскими булочками и сэндвичами. Того самого апельсинового пунша, о котором говорил Грейсон, я нигде не увидела, зато нашла красивые цветочные венки, разнообразный чай в пузатых чайничках и встретила приветливо улыбающихся пожилых дам с коралловыми губами. И – о нет! – Эмили, которая слащавым голосом объявила: «Сюрприз!» – а Грейсон озадаченно посмотрел на неё.

Я закатила глаза. Похоже, от Мисс Зануды невозможно скрыться.

Точно нет, если всё решала Рыжая Бестия (сегодня, кстати, одетая в приличный бежевый). Как было специально отмечено, она пригласила Эмили, чтобы порадовать Грейсона и «потому, что она была частью семьи».

Ни Эмили, ни Грейсон ничего не возразили, и поэтому я снова закатила глаза, а потом решила ещё раз осмотреться: где-то же должен быть этот пунш. Мне всё больше и больше хотелось попробовать его.

Целью и смыслом этой «вечеринки» было, очевидно, то, что всем полагалось стоять с чашкой чая в руках, вести светский разговор с другими гостями, время от времени прихлёбывать чай и улыбаться. Только особо одарённые могли при этом ещё и есть. Со всем остальным я

справлялась. Однако улыбаться Эмили мне было трудновато, особенно когда она непрерывно тыкала пальцем в мою причёску и сочувственно качала головой:

– Знаешь, Лив, иногда с такими вещами, как стиль, «меньше» значит «больше».

У меня наготове было как минимум четыре возражения по этому поводу, но я не хотела тратить свои шутки на Эмили. (Например, я могла многозначительно посмотреть на её белую блузку с пуговицами и чёрную юбку и сказать: «М-да, если стиль – это одеваться, как будто ты пришла поработать официанткой, то пусть у меня его не будет».) Поэтому я обратилась к другим гостям, хотя их было не очень много. Все дамы с коралловой помадой на губах были подругами миссис Спенсер по бриджу, которых она знала ещё со школы, и, если я всё правильно поняла, звали их Пчёлка Битси, Типси и Чери. (Надеюсь, это были не их настоящие имена.) Вместе с Чери пришла её внучка, девушка по имени Ребекка, которая выглядела так, как будто тоже очень хотела пунша. Не удивительно. Чери рассказала всем, что Ребекка только что развелась и ей срочно нужен новый мужчина, но в этот раз такой, который бы нравился бабушке и всем её подругам. Зубной врач, например.

Сами почтенные дамы были без кавалеров, за исключением Типси, которая ещё не овдовела и пришла в сопровождении своего супруга, брюзгливого пожилого мужчины, оживлённо беседовавшего с другим пожилым мужчиной, которого Рыся представила нам как адмирала. У адмирала была седая борода, кошмарно нависающие брови и по-военному прямая осанка, и вообще, он выглядел так, будто в любую секунду может повернуться к портрету королевы и начать петь гимн. Кстати, где он, этот портрет? Над каминной полкой висела только картина с убитыми фазанами, живописно лежащими рядом с вазой с виноградом.

В то время как я рассматривала фазанов, – а они выглядели *очень* убитыми, – из кухни вышел Чарльз. Я постаралась взглянуть на него доброжелательно (скажем, глазами Лотти) – широкие плечи, светящийся взгляд, ослепительно белые зубы, морщинки в уголках губ, торчащие, как у принца Чарльза, уши, лысина уже на четвёртом десятке, отвратительный вязаный жилет с ромбами... Ну хорошо, наверно, чтобы смотреть на него глазами Лотти, я должна была ещё потренироваться.

Чарльз шёл к столу с огромным кувшином, стараясь удержать равновесие, и когда я рассматривала его уши, то вспомнила, что его ужасная шапка-ушанка всё ещё была спрятана в моей комнате. Я постаралась побыстрее преодолеть чувство стыда.

– Это пунш? – спросила я, чтобы отвлечься.

Чарльз кивнул:

– Мамин известный крещенский пунш по особому рецепту. Хочешь стаканчик?

Я оглянулась, чтобы увидеть маму и Эрнеста, но они были увлечены разговором с Пчёлкой Битси, поэтому я согласилась. Мама всё равно не была бы против. На вкус ясно чувствовался апельсин, корица и чуть-чуть гвоздики. Никакого алкоголя не было заметно. Зато были очень заметны постоянные взгляды Рыси, Типси и её свежеразведённой внучки, которые они из-за фортепиано бросали в сторону Чарльза. Он же избегал этого внимания и только подмигнул им, улыбаясь, на что все, кроме внучки, ответили дружным хихиканьем.

Я кашлянула, и Чарльз снова повернулся ко мне.

– Как дела у Лотти? – поинтересовался он. – Жаль, что она не пришла.

Жаль? А как же та женщина из кафе, с которой он держался за руки? И что с внучкой Чери, которую он только заметил?

Не-е-ет, в этот раз он не отделается сломанной пожарной сигнализацией. Я сделала ещё глоток пунша.

– У Лотти всё замечательно. – И потом добавила: – Она со своим другом пошла в кино.

– О! – Чарльз закусил нижнюю губу. – Как... здорово!

– Да, я тоже так думаю! Джонатан такой классный парень!

– Какой Джонатан? – спросила Мия, откуда ни возьмись появившаяся рядом со мной, словно домовой.

Джонатан, которого я только что выдумала, глупышка!

– Джонатан, с которым Лотти, – сказала я и с волнением увидела, как к нам подбираются Грейсон и Эмили, а за ними и Рыся с разведённой внучкой.

– Ах, *этот* Джонатан! Да, он правда классный. – Мия уплетала сразу два тонюсеньких сэндвича. – И такой романтичный... – продолжала она с полным ртом. – На Рождество он подарил Лотти очень забавную японскую кошку-талисман.

Я сурово посмотрела на неё.

– Пластмассовую кошку? – презрительно спросила Эмили. – Что в ней может быть романтического?

– Это очень... это может быть очень романтично, – пробормотала я.

Господи, мне точно нужно выпить ещё пунша.

Недолго думая и несмотря на тот факт, что Рыся уже была рядом, я взяла из рук Чарльза черпак и налила себе ещё.

– Пластмассовая кошка – это не романтично, это просто дёшево, – сказала Эмили.

Нет, совсем не так! Кошка – это символ. Не совсем любви, конечно, но символ удачи, это древняя традиция, которая берёт своё начало из известного культа манэки – нэко. Об этом я однажды прочитала в Википедии и сейчас подумывала, стоит ли обрушить известную мне информацию на голову Эмили. Она же была ботаником, а значит, и сама могла прочитать в Википедии и узнать, что даже создатели «Хэлло, Китти!» были вдохновлены именно этим культом.

– А что тебе подарил Грейсон, Эмили? – спросила Мия.

Хороший вопрос.

Эмили вытянула шею, показывая всем:

– Вот эту чудесную подвеску.

– Лежачая восьмёрка – знак бесконечности. – Рыся растроганно улыбалась. – Великолепно!

Знак *бесконечности*? Я одним глотком опустошила свой стакан и укоризненно сверлила его взглядом.

– Да, просто у моего внука есть стиль. – Миссис Спенсер провела рукой по щеке Грейсона, и он слегка покраснел. – И в том, что касается девушек, тоже. Я была бы рада, если бы могла тоже самое сказать про своих сыновей.

Она тяжело вздохнула, отпустила Грейсона и положила руку на плечо Чарльза.

– Чарльз, милый, ты не покажешь Ребекке наш сад, пока не стемнело? Ребекка очень интересуется растениями, у неё докторская степень по биологии. И она играет в гольф. Не правда ли, Ребекка, дорогуша? Чарльз тоже играет в гольф. Может, вы как-нибудь сыграете вместе? А сейчас давайте в сад! Ребекка, ну улыбнись разок, чтобы Чарльз увидел твои прекрасные зубки.

Ребекка выдавила из себя улыбку. Я ей действительно сочувствовала. Тем более что в этот момент Чарльз даже не посмотрел на неё.

– Мама, сегодня пасмурно, – сказал он. – И сад зимой – не самая лучшая достопримечательность. А на какой фильм они пошли? – Он напряжённо смотрел на меня. – Она не любит боевики. Надеюсь, этот Джонатан знает об этом?

Пунш! Где черпак? Я заодно налила и Ребекке стаканчик. Она благодарно улыбнулась мне.

– Кто не любит боевики? – спросила миссис Спенсер и обиженно добавила: – Мой сад прекрасен в любое время года.

– Он говорит о Лотти, – с готовностью объяснила Мия. – Но я бы так не сказала. Ей нравятся боевики тогда, когда кто-то держит её за руку в самый захватывающий момент.

Чарльз тяжело сглотнул. И мне стало жалко его. Но сам виноват. У него был шанс. Сейчас очередь Джонатана. Плохо только, что его не существовало.

– Ах, сад мы можем и в другой раз посмотреть, – заметила Ребекка.

– Лотти? Это же ваша немецкая няня? – Глаза Рыси округлились, и она даже не заметила, что Ребекка потихоньку удалилась со стаканом пунша в руке. – Что, прости, ты имеешь общего с няней содержанки твоего брата?

– Во-первых... – сказал Чарльз и осмотрелся, ища Ребекку, но она была уже вне зоны слышимости и болтала с Флоранс и адмиралом. – А во-вторых... – Он сделал вдох. – А в-третьих, я не позволю тебе решать, кто мне нравится, а кто нет.

Казалось, Рыся вот-вот потеряет сознание.

– Не хочешь ли ты этим сказать, что тебе нравится эта необразованная немецкая дурочка?

Мия возмущённо глотала воздух. Даже Эмили и Грейсон были шокированы. Я одна была более или менее спокойна благодаря пуншу. Классная штука. Нужно обязательно взять рецепт.

Чарльз кивнул:

– Да, мне нравится Лотти. Даже если между нами ничего нет.

В этот момент он снова стал мне симпатичен, поэтому я даже простила ему, что он никак не отреагировал на «дурочку».

– Тогда сделай так, чтобы всё осталось как есть. – Рыся сжала губы. – Уже достаточно того, что твой брат разбивает мне сердце этой своей Уоллис Симпсон. Не может же быть, что мой младшенький влюблён в служанку! Этого я не переживу. – Она тяжело дышала. – Мне не хватает воздуха.

– Потому что ты сама от своей злости задыхаешься, – сказала Мия не так тихо, как предполагала.

– Мне бы сейчас тоже не помешало немного воздуха, – вмешалась Эмили. – И я буду рада экскурсии по саду, даже несмотря на сумерки. – Они с Грейсоном переглянулись, и Эмили взяла Рысю под руку. – К тому же мама попросила узнать у вас, как ухаживать за гортензией.

Её дипломатичность оказала своё воздействие: Рыся охотно пошла с ней в сад.

– Ты просто ангел, Эмили! – услышали мы, когда они уходили, и, хотя с этим я не совсем согласна, пришлось признать, что сейчас она сделала что-то действительно полезное.

– Можно мне твой айфон? – Мия уже вытаскивала его из кармана Грейсона. – Мне нужно погуглить, что такое «содержанка». И кто такая Уоллис Симпсон. А потом я должна прочитать всё об убийстве в состоянии аффекта.

Она побледнела от злости, даже её обмороженные щёки побледнели. Я бы себя тоже так чувствовала, если б не была приятно одурманена пуншем.

– Мне тридцать пять лет, и я не позволю своей матери указывать мне, как жить! – вырвалось у Чарльза.

Может быть, чуть-чуть поздновато.

– Лотти не глупая, и деньги ей не нужны, – выдала ему Мия, листая дисплей.

– Я сам знаю, – ответил Чарльз.

– Она умная и красивая. Зачем ей нужен зубной врач, когда она себе любого может найти?

– Да знаю я, – повторил Чарльз.

– Мия, может, хочешь тёпленького пунша? – спросил Грейсон. – Я думаю, он бы тебе сейчас помог.

– Ты с ума сошёл? Ей тринадцать лет. – Я забрала у него черпак. – Хочешь, чтоб она на столе начала танцевать? Хватит и того, что одна из нас напилась. У меня перед глазами уже всё плывёт, я за себя не отвечаю.

– Правда? – Грейсон ухмыльнулся. – Это очень интересно!

– Вообще-то я не пью алкоголь, – сказала я в свою защиту. – Но твоя бабушка очень... И если мне ещё придётся петь гимн... Ой, кажется, я уже заговариваюсь.

– Лив, здесь вообще нет алкоголя – это всего лишь тёплый пунш с приправами! – засмеялся Грейсон.

– Что?! Я вообще не пьяная? Даже не навеселе? Зачем тогда весь этот театр вокруг него? «Известный пунш»! Ну ладно, хотя бы понятно, почему алкоголь совсем не чувствовался.

– А про национальный гимн – это просто шутка, – с удовольствием продолжал Грейсон. – Никому бы даже в голову не пришло петь, поверь мне. Ни трезвым, ни пьяным. Ты видишь здесь где-нибудь портрет королевы?

Я уставилась на Грейсона.

– Ты это придумал? Чтобы поиздеваться над нами? Просто так? – Против своей воли я должна была признать, что ему это удалось. – Да, не ожидала от тебя такой фантазии и коварства! – произнесла я с ухмылкой.

– Ну ты меня недооцениваешь. – Грейсон отобрал у меня черпак. – Ну, хочешь ещё глоточек, зная, что не опьянеешь и что петь гимн не придётся?

– Нет, сейчас это уже невесело. – Я задумчиво рассматривала Грейсона. Сейчас легко было представить, как он выглядел в детстве – беспечный, радостный и абсолютно довольный собой. – Ты серьёзно подарил Эмили знак бесконечности?

Улыбка Грейсона улетучилась.

– Я имею в виду, знаешь ли ты, сколько это – бесконечность? – спросила я. – Дольше, чем жизнь.

Он промолчал.

– Плохие новости! – Мия вернула айфон Грейсону. – Если человек хочет совершить убийство в состоянии аффекта, нужно действовать быстро.

– Кому ты это говоришь? – пробурчал Чарльз.

– В этот раз Рыся не останется без наказания, – сказала Мия. – Сегодня мы должны защитить честь мамы и Лотти. И нашу тоже. Мы больше не можем это терпеть!

Грейсон удивлённо поднял брови:

– Кто такой Рыся?

Глава девятая

Впоследствии мы никак не могли установить, чья же это была идея. Мия утверждала, что её.

Ясно одно: уже возвращаясь с чайной вечеринки, мы всячески размышляли над тем, как бы преподать урок Рысе. Мы *обязаны* были проучить её.

С нас было достаточно. Терпение наше лопнуло уже после обеда, и нам хотелось поразить её в самое уязвимое место. И тут нам (или только Мие, если верить ей) вспомнилось самшитовое дерево в саду перед домом, постриженное в виде птицы, – Господин Исполин. Никто не имел права прикасаться к нему, кроме миссис Спенсер. Было очевидно, что это дерево она любила больше всего на свете.

Да, Господин Исполин был её гордостью. И вот с его-то помощью мы и собирались её ударить из педагогических соображений. Мы решили обрезать его. Часы Господина Исполина в образе павлина были сочтены.

Остаток вечера мы провели, разрабатывая план, добывая необходимый реквизит и ожидая, когда же остальные обитатели дома наконец-то заснут. Незадолго до полуночи мы выскользнули из дома. Мне очень хотелось поехать туда на велосипеде, но ворота гаража так громко скрипели, что мы наверняка бы всех перебудили. Пешком мы добрались до Рысиного дома за десять минут. Это время мы провели в споре: в какого именно зверя лучше превратить Господина Исполина? Даже когда мы уже были на месте, единогласное решение всё ещё не родилось. Мия была за пингвина, а я – за скунса, ведь тогда нам не пришлось бы полностью купировать павлиний хвост, он мог бы нам пригодиться для частей нового тела.

Печально, но факт – мы сильно переоценили наши возможности по обрезанию самшитовых деревьев.

Нас ожидали нелёгкие условия – темнота и холод, и хотя бы поэтому нам нужно было торопиться. Также мы не смогли раздобыть приличные режущие инструменты, поэтому придать Господину Исполину новую форму было довольно сложно.

К тому же мы по-разному представляли себе результат наших стараний.

– Пингвин!

– Нет! Скунс!

Мия работала впереди, используя пилу Эрнеста, а я сзади подравнивала ветки большими кухонными ножницами.

Одно хорошо – нам хотя бы никто не мешал. По пути сюда нам не встретилось ни одной живой души (тоже мне мегаполис!), и на Элмс-уолк, казалось, все тоже мирно спали, хотя сегодня было полнолуние. «Чик-чик» моих ножниц и «вжик-вжик» Мииной пилы были единственными звуками, нарушавшими ночную тишину. А также наши тихие проклятия.

– Эти ножницы годятся только для тонких веток. Если я буду продолжать в таком темпе, хвост скунса будет готов к следующему Рождеству! – ругалась я.

– А пила, наоборот, пилит совсем не то, что нужно! Сейчас нам действительно не повредило бы хорошее освещение. Ой! – Мия затаила дыхание. – Клюв отпал.

– Не страшно, у скунса клюва всё равно нет... Давай, может, поменяемся местами? Здесь нужен глобальный подход.

Вообще-то в этот момент я была уже уверена в том, что у нас не получится превратить Господина Исполина в какое-нибудь новое существо – ни в пингвина, ни в скунса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.